

*Доктору Миллмоссу с любовью —
вечной и неизменной...*

**HOW TO BE
A GOOD CREATURE
A MEMOIR IN THIRTEEN ANIMALS**

SY MONTGOMERY

Houghton Mifflin Harcourt

Те,
кто дарает
нас ручие
13 животных,
которые помогли мне
понять жизнь

САЙ МОНГОМЕРИ

Перевод с английского

УДК 591.5
ББК 28.6
М77

Переводчик Наталья Нарциссова

Монтгомери С.

М77 Те, кто делает нас лучше: 13 животных, которые помогли мне понять жизнь / Сай Монтгомери. — М.: Альпина нон-фикшн, 2020. — 186 с.

ISBN 978-5-91671-778-5

Замысел этой книги возник у Сай Монтгомери, когда в ходе интервью ее спросили: «А что животные дали тебе за долгие годы общения?» Никогда раньше никто не задавал ей подобных вопросов, но ответила она не задумываясь: «Они сделали меня лучше».

На страницах этой книги вы познакомитесь с 13 животными, с которыми свела Сай ее жизнь писателя-натуралиста. Ей доводилось работать в группе ученых, которые метили радиопередатчиком древесных кенгуру в тропическом лесу Папуа — Новой Гвинеи; искать следы снежных барсов на Монгольском Алтае; плавать с пираньями и электрическими угрями в Амазонке. Поэтому героями книги стали не только привычные домашние животные, но и редкие экзотические. Объединяет их всех одно: встреча с каждым из них изменила жизнь Сай, преподала ей важный урок. Чему же животные могут научить нас? Самоотверженной любви, смелости, умению радоваться каждому дню и знанию о том, что никогда нельзя отчаиваться, даже если жизнь кажется безнадежной. Ведь ты понятия не имеешь, что произойдет дальше. А может быть, что-то замечательное ждет тебя прямо за углом...

УДК 591.5
ББК 28.6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
ГЛАВА 1 Молли	11
ГЛАВА 2 Голошней, Черная Голова и Порченая Нога	27
ГЛАВА 3 Кристофер Хогвуд	47
ГЛАВА 4 Кларабелль	63
ГЛАВА 5 Рождественский горностай	79
ГЛАВА 6 Тэсс	89
ГЛАВА 7 Крис и Тэсс II	101

ГЛАВА 8	
Салли	117
ГЛАВА 9	
Октавия	133
ГЛАВА 10	
Тёрбер	151
Для дополнительного чтения	177
Благодарности	183

Вступление

Для того чтобы писать свои книги, я много езжу по миру. Мне довелось поработать в группе ученых, которые метили древесных кенгуру ошейниками с радиопередатчиком в тропическом лесу Папуа — Новой Гвинеи; я искала следы снежных барсов на Монгольском Алтае; плавала с пираньями и электрическими угрями в Амазонке ради книги о розовых дельфинах. И во время всех этих поездок не раз вспоминала высказывание, которое звучит для меня обещанием: «Когда ученик готов, учитель появится». Мне очень повезло с замечательными преподавателями, прежде всего с мистером Кларксоном, который учил меня журналистике. Но главными моими учителями всегда были животные.

Чему они научили меня? Тому, как быть лучше.

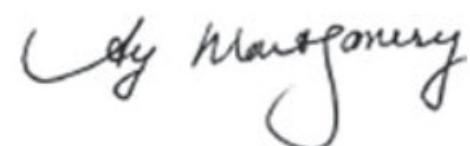
Все животные, которых я знала, — от того первого жука, за которым я наблюдала в детстве, до гималайских медведей, которых видела в Юго-Восточной Азии, и пятнистых гиен, с которыми познакомилась в Кении, — были удивительными созданиями. Каждое из них по-своему замечательно и совершенно. Просто находиться рядом

с любым животным — это уже урок, потому что все они умеют что-то, чего не могут люди. Паук пробует все на вкус лапками. Птицы видят цвета, которых мы даже не можем описать. Сверчок поет надкрыльями и слушает «коленками». Собака слышит то, чего не улавливает человеческое ухо, и замечает, что вы расстроены, даже прежде, чем вы сами это осознаете.

Общение с созданиями, принадлежащими к другим видам, удивительным образом обогащает душу. На этих страницах вы встретите животных, которые изменили мою жизнь за одну короткую встречу. Познакомитесь и с теми, кто стал членами моей семьи. Среди них — собаки, которые делили с нами кров, свинья, которая жила у нас в хлеву, три огромные нелетающие птицы, пара дрёвесных кенгуру, а также паук, горностай и осьминог.

Я все еще учусь быть лучше. Я честно стараюсь, но зачастую у меня не получается. Однако для этого у меня есть вся моя жизнь — замечательная жизнь исследователя нашего прекрасного мира — и радость возвращения домой, где моя удивительная многовидовая семья дарит мне поддержку и счастье, о каких я не могла и мечтать. Я часто думаю о том, что хорошо было бы совершить путешествие во времени, чтобы встретиться с самой собой, молодой и полной сомнений и тревог, и сказать себе, что мои мечты не напрасны, а невзгоды преходящи. К сожалению, это невозможно, но зато я могу сделать кое-что другое. Я могу рассказать вам, что вас окружают учителя, которые помогут вам: на четырех ногах, на двух или даже на восьми, позвоночные и беспозвоночные. Все, что вам нужно, — это воспринять их как учителей и быть готовыми услышать их.

Сай Монтгомери

ГЛАВА 1

Молли

Однажды если я была не в школе, то мы были вместе. И в этот раз мы с Молли — нашим скотчтерьером — несли дежурство на наблюдательном посту на широкой, идеально подстриженной лужайке перед генеральским домом в 225-м квартале Форта Гамильтон в нью-йоркском Бруклине. Хотя на самом деле наблюдение вела Молли, а я наблюдала за ней. К несчастью для терьера, выведенного для охоты на лис и барсуков, отыскать какую-либо добычу на военной базе крайне маловероятно. Каждый квадратный сантиметр там был вылизан, дикие животные на территорию не допускались. Тем не менее Молли иногда все-таки высматривала белку, за которой можно было погнаться. А поскольку дом, хотя мы в нем жили, принадлежал не нам, а армии США и мы не могли окружить его забором, Молли стали сажать на цепь, прикрепленную к колышку, врытому глубоко в землю. Я наблюдала за тем, как она изучает территорию, втягивая воздух своим мокрым черным носом и поворачивая в разные стороны

острые ушки, и мечтала так же, как она, слышать и осязать присутствие где-то вдалеке других живых существ.

И вдруг она улетела, словно мохнатое пущечное ядро.

В мгновение ока Молли вырвала из земли полуметровый колышек и потащила его за собой вместе с цепью, неистово рыча от радости, через тисовые кусты, растущие перед одноэтажным кирпичным домом. Я попыталась разглядеть, за кем она гонится: кролик!

Я вскочила на ноги. Ни разу прежде я не видела дикого кролика. В Форте Гамильтон никто никогда ни о каких диких кроликах не слышал! Мне хотелось увидеть его вблизи. Но Молли гнала кролика вокруг дома, и я, второклассница на двух слабых ногах, обутых в лакированные туфли «Мэри Джейн», не могла бежать с такой же скоростью, с какой несли ее четыре когтистые лапы взрослой собаки.

На яростный лай скотчтерьера невозможно не обратить внимания. Вскоре из дома вышли мама и солдат — один из тех, что должны были следить за чистотой в доме генерала. Лес ног вырос вокруг меня: взрослые зигзагами гнались за нашим разъяренным терьером. Но, конечно, поймать Молли было невозможно. К этому моменту она уже освободилась от цепи, и колышек больше не мешал ей. Ее было не остановить. Удастся ей поймать кролика или нет, в ближайшее время, возможно до самой темноты, она не вернется. Домой Молли придет только тогда, когда сочтет нужным, и коротким лаем даст знать, что пора открыть ей дверь.

Когда я бежала за ней следом, то не для того, чтобы остановить ее. Я рвалась пойти с ней. Я хотела еще раз увидеть кролика. Вдыхать вечерние запахи. Встречать других собак, драться с ними и бегать за ними, засовывать

нос в норы, вынюхивать, кто там живет, и находить сокровища, зарытые в мусоре.

Многие девочки боготворят старших сестер. Я не была исключением, но моей старшей сестрой оказалась собака. И стоя, беспомощная, в платье с оборками и ажурных носках, в которые меня одела мама, я мечтала быть такой же, как Молли, — свирепой, дикой, неудержимой.

Мама говорила, что я никогда не была «нормальным» ребенком. В доказательство она вспоминала тот день, когда они с папой впервые повели меня в зоопарк. Я тогда только начала ходить и, вырвавшись из рук родителей, двинулась к избранной цели: в загон к самым крупным и опасным животным, которые там обитали. Бегемоты отнеслись ко мне благосклонно и не стали раскусывать меня пополам или наступать на меня, хотя могли бы. Родителям удалось каким-то образом вытащить меня из загона целой и невредимой. Однако мама так никогда и не оправилась полностью после этого происшествия.

Меня всегда тянуло к животным — куда больше, чем к другим детям, или взрослым, или куклам. Я предпочитала наблюдать за двумя моими золотыми рыбками, Голди и Блэки, или играть с моей любимой, но невезучей черепахой, Мисс Желтые Глазки. (Моя мать была южанкой, и задолго до воцарения феминизма я переняла у нее южную привычку даровать всем женщинам почетный титул «мисс».) Как и большинство домашних черепах в 1950-е, Мисс Желтые Глазки страдала

от неправильного питания и погибла от размягчения панциря. Чтобы утешить меня, мама вручила мне куклу, но я не стала в нее играть. А когда отец вернулся из поездки по Южной Америке и привез мне чучело детеныша каймана — разновидности крокодила, я одела его в кукольную одежду и стала катать в игрушечной коляске.

Единственный ребенок, я никогда не мечтала о братике или сестричке. Мне не нужны были другие дети. Большинство из них были шумными и буйными. Они не могли спокойно стоять на одном месте и наблюдать за шмелем. Они носились и распугивали голубей, разгуливающих по тротуару.

Взрослые, за редким исключением, тоже не представляли особого интереса. Я безучастно взирала на родительских знакомых, которых видела до этого много раз, не в силах вспомнить, кто это такие, пока мама или папа не напоминали мне, какое домашнее животное они держат. (Например: «Это хозяева Бренди». Бренди, кобель рыжей длинношерстной карликовой таксы, обожал валяться со мной в кровати, пока взрослые, уложив меня спать, наслаждались вечеринкой. Но я не помню, ни как звали его хозяев, ни как они выглядели.) Одним из немногих людей без домашних питомцев, кого я тем не менее привечала, был мой «дядя» Джек — на самом деле никакой не дядя, а командир полка, друг отца, который рисовал для меня пегих пони. Пока они с отцом играли в шахматы, я старательно раскрашивала пятна.

Научившись разговаривать достаточно хорошо, чтобы обсуждать такие вопросы, я сообщила родителям, что на самом деле я лошадка. Я галопировала вокруг дома, ржала и мотала головой. Папа согласился называть меня

Пони. Но моя элегантная и честолюбивая мать, желавшая, чтобы у ее маленькой девочки хватало здравомыслия притворяться принцессой или феей, была обеспокоена. Она опасалась, что я «отстаю в развитии».

Военный врач успокоил ее, заверив, что стадия пони у меня пройдет. Так и случилось, потому что я решила, что на самом деле я — собака.

С моей точки зрения, проблема была только в одном: родители и их друзья с готовностью рассказывали мне, как должна вести себя маленькая девочка, но некому было показать мне, как должна себя вести собака. Однако, когда мне исполнилась три, мечта моей маленькой жизни сбылась: у нас появилась Молли.

На сайтах, посвященных породе, о щенках шотландского терьера пишут, что они «активные и смелые», а также «энергичные и своенравные». Характерные для скотчей упорство и независимость проявляются едва ли не с первых дней жизни. Это древняя порода, выведенная шотландцами для защиты домашнего скота от хищников. Скотчи — низкорослые черные собаки — настоящие воины-горцы. Они достаточно сильны и храбры, чтобы справляться с лисами и барсуками, и достаточно смышлены, чтобы действовать самостоятельно, без команд хозяина, и умудряться перехитрить злоумышленников. При росте в холке меньше 30 сантиметров и весе всего около 9 килограммов, скотчи «обладают компактностью маленькой собаки и отважной большой» — так охарактеризовала их писательница

и критик Дороти Паркер. По ее словам, «они отличаются такой исключительной стойкостью, что единственное, что может доконать их, — это если их переедет автомобиль, но только и ему тоже достанется». Щенок скотчтерьера похож на двухлетнего малыша-дьяволенка, сидящего на стероидах и наделенного сверхъестественной несокрушимостью.

Неудивительно, что, хотя мы росли вместе, упорная и смелая маленькая Молли была моей полной противоположностью.

Когда мне исполнилось два года и наша семья вернулась в Штаты из Германии, где я родилась, со мной что-то произошло. В Германии у меня была няня, а теперь я целиком и полностью перешла на попечение мамы. Позже мама рассказывала мне, что в раннем детстве я переболела мононуклеозом, которым обычно заражаются в более старшем возрасте. Но моя тетя, папина сестра, считала, что это неправда, и много лет спустя я не нашла в своих медицинских картах никаких записей о таком диагнозе. Тетя была уверена, что меня в детстве придушили, или как следует тряхнули, или и то и другое вместе, и, возможно, не один раз. Во всяком случае, я много плакала. И даже через много лет, когда я уже была подростком, мать продолжала жаловаться друзьям на то, что мой плач частенько прерывал ее коктейльный час. Вечерний прием мартини был для нее лучшим временем дня. Очевидно, коктейли скрашивали ее одиночество, когда рядом не было никого, кроме рыдающего ребенка.

Как бы то ни было, я очень долго не играла и не разговаривала. И не хотела есть. Мне уже исполнилось три, а я совсем не росла.

Мое состояние огорчало обоих родителей. Мама купила глубокую тарелку, на дне которой были нарисованы

животные: я доедала кашу ради того, чтобы увидеть их. Еще она делала мне тосты в виде животных, вырезая хлеб формочками для печенья, а папа пытался соблазнить меня молочными коктейлями, в которые тайком подмешивал сырое яйцо. Видимо, вконец отчаявшись, ради того, чтобы поправить мое слабое здоровье, они и решили завести щенка.

В наши дни инструкторы по дрессировке собак и специалисты по воспитанию детей сказали бы, что это плохая идея. Кинологи считают, что скотчи — прекрасные собаки, но совершенно не годятся для малышей. Если ребенок наступит такой собаке на лапу или схватит ее за хвост, она терпеть не станет. Скотчтерьеры кусаются, а зубы у них большие, как у эрделей. Они исключительно преданные животные, но в то же время среди терьеров слывут самыми свирепыми. И сегодня большинство специалистов уверены, что собак даже самых послушных и терпеливых пород можно брать в семью, когда детям исполнится шесть-семь лет.

Но тогда никто ничего этого не знал — и вот эффектная эмигрантка с Кубы, которую я знала как тетю Грейс, подарила нам одного из своих трех породистых щенков.

На самом деле тетя Грейс не была моей тетей, а ее муж, которого я звала дядей Клайдом, не был моим дядей. Он был папиным лучшим другом, а тетя Грейс — маминой соперницей. Она укладывала свои длинные, черные как смоль волосы в замысловатые прически, ходила в сшитых на заказ платьях с глубокими вырезами и большими разрезами, носила высокие каблуки, подводила глаза черным и красила губы алой помадой. Моя мать считала ее задавакой.

— Как думаешь, какого цвета платье тетя Грейс надела к ветеринару, когда повезла щенков на прививки? — как-то спросила она меня.

— Черное? — предположила я. Лично я предпочла бы выглядеть, как все остальные члены семьи.

— Нет! — ответила мама. — Белое!

В комплекте с черными щенками белое смотрелось эффектнее.

Вскоре после того визита щенков к ветеринару Молли переехала жить к нам. И хотя этот день перевернул мою жизнь, я — из-за болезни или потому, что была слишком мала, — совершенно его не помню.

Однако эффект не замедлил сказаться.

Вскоре после того, как у нас появилась Молли, родители сделали черно-белую фотографию, где мы запечатлены с ней вместе. Это фото мать позже, за два месяца до того, как мне исполнилось четыре, разослала в качестве поздравительных открыток на Рождество. Судя по моим коротким пышным рукавчикам, на дворе лето, но у камина висят рождественские чулки, а рядом со мной на каменном полу стоит заводной Санта-Клаус, готовый зазвонить в медный колокольчик. Как и все маминые рождественские фото, это было хорошо подготовленным экспромтом. Но ликующее выражение на моем лице и на морде Молли совершенно неподдельное.

«Молли схватила папин носок!»

Как и большинство щенков, Молли обожала что-нибудь стащить, и особенно ей нравились папины черные носки, которые он надевал с генеральской формой. Когда Молли крала их, я, вовсе не для того, чтобы сдать

ее, с энтузиазмом объявляла домочадцам о предстоящем зрелище. Эти представления всегда забавляли отца, любившего собак. Вытащив носок из его обычного места в корзине в спальне или из ботинка, где тот прятался, Молли, свирепо рыча, неслась с ним в гостиную, а там начинала трясти его с неукротимой восторженной яростью. Отнять носок было невозможно, пока Молли не уверялась в том, что свернула ему шею.

Щенком Молли не грызла вещи. Она их загрызала. Конечно, ей нравилось грызть косточки, но на отцовские носки она нападала не за этим. Я не помню, чтобы хоть одно животное стало ее жертвой, но она любила представлять предметы живыми и делать вид, будто убивает их.

Она любила загрызать мячики. Причем маленькие ее не интересовали. С бешеною энергией она преследовала большие, наполненные воздухом мячи, коварно скачущие прочь, догоняла и побеждала их. Рано утром я водила ее на поводке к теннисным кортам, пока там никого не было, чтобы пбросать ей очередной такой мяч. Там я наблюдала, как она, с глубоким горловым рыком, эхом отдающимся в моей груди, несется по корту, а мяч изо всех сил пытается убежать. Но она всегда загоняла его в угол и прокалывала ему легкие своими длинными белыми клыками, после чего мяч сдувался, и она могла схватить его сильными челюстями и мотать им так, чтобы вытрясти из него всю душу. Когда же с ним было покончено, она разрешала мне поднять его и осмотреть. Мяч выглядел так, будто по нему били ножом для колки льда. И такое сделала маленькая собака! Это впечатляло: в моих глазах Молли была могучим созданием, заслуживающим глубокого уважения.

Я всегда знала,
что где-то
существует зеленый
мир, где кипит жизнь
птиц и насекомых,
черепах и рыб,
кроликов
и оленей

Видимо, другие на военной базе тоже так считали. Когда Молли подросла, мы отказались от колышка и цепи, и она часто уходила в ночь одна. Жители базы познакомились с ней. Во время одной из своихочных вылазок она посетила казармы Женского вспомогательного армейского корпуса. (До 1978 года женщины служили в армии отдельно от мужчин.) В тот вечер несколько женщин были снаружи, и на следующий день до нас дошли слухи, что, увидев Молли, пробегающую мимо, они выстроились в ряд, она обнюхала их и продолжила свой путь, а они отдали ей честь.

Эта история вполне могла быть выдумкой. А может, они отдали Молли честь только потому, что она была генеральской собакой. Но могло быть и так, что эти сильные и храбрые женщины увидели и оценили независимость и мужество маленькой собаки. В давние времена другой генерал тоже признавал это качество в своих скотчах. В XVII веке у командующего шотландской армией генерал-майора Джорджа Дугласа, графа Дамбартона, была целая свора скотчтерьеров, которых он прозвал «неукротимыми». Эти терьеры вдохновили его на то, чтобы назвать в честь них свой любимый полк королевских шотландцев: «Неукротимые Дамбартона».

В полной мере обладая свойственной скотчтерьерам уверенностью в себе, Молли не нуждалась в том, чтобы люди говорили ей, что делать. И когда вечером мы звали ее домой, она не приходила. В конце концов мои родители стали просто включать и выключать фонарь на крыльце, чтобы просигнализировать ей, что мы хотели бы, чтобы она вернулась домой. Это был просто совет — так отец относился и к светофорам (красный свет он называл «всего лишь советом»). Молли приходила, когда считала нужным.

Это меня нисколько не тревожило. Я и не рассчитывала на то, что она будет подчиняться мне. С чего бы? Когда мне исполнилось пять, ей было всего два — но она была уже взрослой. Я не просто считала, что она главнее меня, — я стремилась подражать ей. Я даже не понимала, что мой взгляд на наши отношения не одобряется другими людьми, — до тех пор, пока моя мать не решила усмирить нас обеих.

Те самые качества, которые превращают скотчей в совершенно особенных собак, — их независимость и упорство — делают их и трудно дрессируемыми. На сайте одного инструктора по дрессировке написано, что знаменитое упрямство и самоуверенность скотчтерьеров «заставляют их думать, что слушаться хозяина не обязательно».

Тем не менее, в то время как наша Молли гуляла где хотела и рвала в клочья одежду и игрушки, моя гламурная тетя Грейс ухитрилась научить своих скотчей читать молитву и играть на фортепьяно.

Она купила маленькое черное детское пианино, похожее на то, на котором в «Мелочи пузатой»* играет Шредер. Позвав Мака, брата Молли, в гостиную, тетя Грейс отдавала команду: «Поиграй на пианино!» Пес садился перед инструментом и нажимал на клавиши попеременно то одной, то другой лапой. Мне в то время тоже давали уроки фортепьяно, и меня поразило то, что Мак научился играть двумя «руками» раньше, чем я.

В другой раз тетя Грейс удивила гостей благочестивостью своих скотчей. Она устроила для них стол, которым

* «Мелочь пузатая» (англ. Peanuts) — американский комикс, выходивший с 1950 по 2000 год, и одноименный мультсериал, который начал выходить в 1965 году. — Прим. пер.

служила большая скамейка для ног, обитая голубой матерней. На ней лежали две подобранные по цвету синие салфетки. Тетя Грейс держала в руках блестящие алюминиевые миски с едой, а Мак и его мать Джинни чинно сидели бок о бок. Тетя Грейс ставила миски на «стол». «Помолитесь!» — командовала она, и собаки клали лапы на край «стола» перед собой и утыкались в них носами. В такой позе они оставались до тех пор, пока тетя Грейс не разрешала им приступить к еде.

Это впечатляло, а производить впечатление на знакомых в армейском высшем обществе было важно. Моя мама не умела дрессировать собак, хотя в детстве в Арканзасе у нее был любимый метис бигля по имени Флип, которого потом сбила машина. Но она была опытной портнихой и решила все-таки превзойти свою гламурную соперницу. Пусть наша собака не могла вести себя как человек, но она могла по-человечески одеваться!

Жесткая шерсть скотчтерьеров защищает их от любой непогоды, но мама начала шить Молли маленькие пальто. На разные сезоны — летние и зимние. В данном случае отлично подошла бы клетчатая ткань «шотландка», но мама предпочла пастельные тона: все-таки Молли, на ее взгляд, должна была одеваться соответственно полу. Затем она переключилась на мебель для Молли. У Мака было пианино, и Молли нужно было не отстать от него. Мама купила кроватку и поставила ее между кухней и гостиной. Для этой кроватки она сшила покрывала, подушку и, конечно же, полог из красного атласа, украшенный оборками.

Мои платья тоже все сильнее обрастали оборками, поскольку мама со все большим рвением стремилась сделать меня хотя бы похожей на ту изящную девочку, о которой

она мечтала. В бруклинской частной школе девочкам не разрешалось носить брюки, и до пятого класса, пока мы не переехали и я не пошла в государственную школу, у меня не было джинсов. Мне строго-настрого запрещалось пачкать одежду, так что в детском саду я отказывалась заниматься пальчиковым рисованием даже в рабочем халате, о чем моя мама и много лет спустя рассказывала с нескрываемой гордостью.

На своей черной с золотом швейной машинке «Зингер» она шила мне одно нарядное платье за другим, зачастую из таких тканей, которые подошли бы и ей самой. Вершиной ее мастерства стал костюм, в котором в начальной школе я играла в спектакле Малютку Бопип, поскольку была ниже всех ростом. Весь бело-розовый, с кружевами, и дополненный расшитой шляпкой, костюм был так хорош, что, когда я вышла в нем на сцену, все ахнули.

Но если мама хотела видеть меня хорошенькой девочкой, то я предпочла бы быть собакой. Меня приводили в восторг суперспособности Молли. Она слышала, что отцовская машина приближается к дому, задолго до того, как та появлялась на подъездной дорожке. Она чуяла запах собачьих консервов, стоило маме достать банку из холодильника. И она могла видеть в темноте.

Я задавалась вопросом: могу ли я научиться всему тому, что делает она? Герои мультфильмов, которые показывали по телевизору, умели проходить сквозь стены, как Каспер — доброе привидение, и летали на ракетах, как Космический ангел. Но здесь существо, обладавшее сверхчеловеческими способностями, было прямо передо мной, и я поклялась стать ее последователем.

Всё в Молли было совершенно. Я жадно следила за каждым движением ее ушей, за каждым подергиванием кожаного носа. Ничто на ее теле не укрылось от моего восхищенного и внимательного взгляда.

Между мной и Молли помимо самых заметных различий было много и менее очевидных. Ее ноздри были вытянуты, как запятые. А мои — круглыми. Ее уши не просто шевелились, в отличие от моих, неподвижных, но внутри них еще были какие-то таинственные хрящики. Однако я решила, что все эти различия не непреодолимы. Возможно, я все-таки смогу стать такой, как она. Если бы мне только удалось разузнать ее собачьи секреты! Я помню, как часами лежала на полу, положив голову на руки, в нескольких сантиметрах от ее морды, наблюдая, как она спит, пытаясь впитать ее запах, ее дыхание, увидеть ее сны.

В моих мечтах, которые я лелеяла годами, мы с Молли вместе убегали из дома. Мы жили бы в лесу. Лакали бы воду из прозрачных ручьев. Находили бы еду и прятались в дупле дерева. Все другие животные знали бы нас, а мы — их. Целыми днями мы наблюдали бы, обнюхивали, копали и исследовали. Она научила бы меня всему, что сама знала о мире — о настоящем мире, том, что за пределами военной базы, вдали от школы, от асфальта, кирпича и бетона. Рядом с ней я постигла бы все тайны диких животных.

Хоть мы и жили на военной базе, а потом в городе, я всегда знала, что где-то существует зеленый мир, где кипит жизнь птиц и насекомых, черепах и рыб, кроликов и оленей. Я знала о нем только из книг и телепередач вроде «Дикое царство» и «Подводная одиссея команды Кусто», но верила в его существование, потому

что Молли могла слышать и чуять его. И этот мир, мир, который я уже любила, просто находился за пределами моего человеческого восприятия. Пока. Но однажды, я знала, мы убежим и отправимся туда, в дикие места, где Молли, наконец, поделится со мной своим могуществом.

ГЛАВА 2

Голошней, Черная Голова и Порченая Нога

Совершенно одна я сидела под порывами ветра на корточках среди колючего кустарника. И вдруг поняла, что неподалеку кто-то есть.

Мне было 26, прошло пять лет с тех пор, как я окончила университет, где изучала журналистику, французский язык и психологию, и вот теперь я находилась буквально за полсвета от дома — а последним моим домом был Нью-Джерси, где я работала репортером в ежедневной газете. Здесь, в австралийском буше, я собирала образцы растений для аспирантского исследования по ботанике. Кроме звука ножа, срезающего стебли, я слышала только ветер. Он дул среди низкого кустарника и мелкорослых эвкалиптов, которые называют малли. Вдруг что-то отвлекло меня от работы. Я подняла голову и увидела меньше чем

в пяти метрах трех гигантских птиц, каждая ростом с человека, шагающих по выжженной траве.

Это были эму — нелетающие птицы под два метра высотой и весом около 35 кг. Вместе с кенгуру они изображены на гербе Австралии как символ этого загадочного континента. Эму похожи отчасти на птиц, отчасти на животных и еще немного — на динозавров. Длинные и пушистые коричневые перья свисают с округлого туловища словно волосы. Голова, посаженная на черную шею, оснащена гусиным клювом. Слишком короткие крылья забавно торчат по бокам. Но зато на своих сильных, выгнутых назад ногах эму могут бежать со скоростью больше 60 км в час — и одним ударом ноги разорвать проволочную ограду или сломать кому-нибудь шею.

Неудивительно, что при виде них я замерла. Никогда раньше мне не приходилось оказываться так близко к крупному дикому животному, да еще совершенно одной, на другом континенте. Но я была не столько напугана, сколько потрясена. Застыв, я смотрела на них, зачарованная их грацией, силой и своеобразием. Я наблюдала, как они поднимают свои длинные чешуйчатые ноги, поджимая огромные, как у динозавров, пальцы, и затем плавно опускают их. С балетной грацией изгибая шеи, чтобы щипнуть травы, они прошествовали мимо меня и поднялись на склон холма. Наконец их похожие на стога сена тела слились с зимними, выцветшими круглыми кустами и исчезли из виду.

Когда они ушли, я почувствовала, что внутри меня что-то изменилось. Но я еще не понимала, что только что увидела проблеск своей будущей жизни за пределами проторенного пути. Тогда я не могла этого знать, но эти странные гигантские птицы даровали мне ту судьбу,

на которую вдохновляла Молли. И они стократ отплатили мне за первый поистине храбрый поступок, который мне пришлось совершить, оставив все, что я любила.

Когда я собралась уезжать, почти все решили, что я свихнулась. Мама была в ужасе, хотя папа уверял ее, что это наконец избавит меня от жажды странствий. Я уволилась с хорошо оплачиваемой работы, на которой прошла путь от начинающего репортера, освещавшего жизнь девяти крошечных городков, до журналиста, специализирующегося на новостях науки, окружающей среды и медицины, — и это в стране с массой экологических проблем и самым высоким в мире показателем количества ученых и инженеров на душу населения. Нередко мне приходилось работать по 14 часов в день, включая выходные, но мне и этого было мало. Мое усердие вознаграждалось признанием, повышениями и свободой. Окруженная талантливыми редакторами, умымыми коллегами и хорошими друзьями, я жила в маленьком доме в лесу с пятью хорьками, двумя попугаями-неразлучниками и любимым человеком — Говардом Мэнсфилдом, великолепным писателем, с которым познакомилась еще в университете. Я была счастлива.

А потом произошло то, что изменило мою жизнь. После того как я пять лет проработала в «Курьер-Ньюс», папа, который к тому времени вышел в отставку, но по-прежнему оставался в моих глазах героем, подарил мне билет на самолет в Австралию. Я всегда мечтала поехать

туда. Сформировавшиеся в изоляции, животные этого континента поражают воображение. Вместо антилоп или оленей, бегающих на четырех ногах, там прыгают на двух ногах кенгуру, прячущие своих детенышней в сумках на животе. Ехидны — покрытые иглами млекопитающие, откладывающие яйца, — ловят муравьев длинными клейкими языками. Утконосы — зверьки с хвостами как у бобра — защищаются от врагов с помощью ядовитых шпор, расположенных на перепончатых лапах.

Но мне хотелось не просто увидеть этих удивительных животных. Я стремилась исследовать их и по возможности сделать для них что-то полезное. Поэтому я нашла организацию, которая направляла волонтеров для участия в научных и природоохранных проектах по всему миру. Эта некоммерческая организация, базирующаяся в Массачусетсе, предлагала научные экспедиции «для горожан», ориентированные на график работающего человека. Каждая длилась всего несколько недель. Я записалась на проект в южной Австралии, в ходе которого должна была помогать доктору Памеле Паркер, биологу из чикагского зоопарка Брукфилда, изучать находящегося под угрозой исчезновения волосатоносого вомбата в заповеднике Брукфилда, в двух часах езды от города Аделаида.

Вомбатов мы видели редко. Похожие на коал, но живущие в норах, а не на деревьях, эти звери пугливы и большую часть времени проводят в разветвленных туннелях, прорытых в твердой как камень почве. Посмотреть на них удавалось только издали, когда они грелись в лучах полуденного солнца у насыпей у входа в норы. Время от времени нам удавалось поймать и измерить какого-нибудь вомбата, но в основном мы исследовали их среду обитания, наносили на карту норы и подсчитывали высохшие

экскременты, чтобы оценить численность этих животных. Зато мы каждый день видели кенгуру, и они не переставали удивлять меня. Любое создание, растение или животное открывало мне новый мир, будь то паук размером с кулак, частенько забиравшийся ночью в мою палатку, или искривленные акации, которые умудрялись выживать на этой иссушенной красной земле. По вечерам мы готовили еду, и от костра шел запах эвкалипта. Мы спали в палатках под низкорослыми деревьями буша. По утрам любовались рассветами и стаями серо-розовых попугаев. Во всем этом был привкус мечты, которую я лелеяла в детстве: жить в дикой природе, открывая тайны животных.

Я работала так много и усердно, что в конце двухнедельного пребывания, когда мне уже нужно было возвращаться в Соединенные Штаты, доктор Паркер сделала мне предложение. Она не могла нанять меня в качестве научного сотрудника. И не могла оплатить мне билет до Австралии из Соединенных Штатов. Но, если я захотела бы провести независимое исследование любого из животных, живущих в заповеднике Брукфилда, она могла бы позволить мне остаться в ее лагере и делила бы со мной еду.

Итак, я отправилась домой — только для того, чтобы уволиться с работы и перебраться в палатку в австралийском буше.

Между моей детской мечтой жить в диком лесу и переездом в австралийский буш было одно, но важное отличие. В моих детских фантазиях рядом со мной был наставник,

который указывал мне путь. Но, конечно, Молли давно не стало. Она мирно умерла во сне, в своей кроватке с алым пологом, еще когда я училась в школе. Кто теперь поведет меня, обычного человека, одинокого, ничего не знающего и не умеющего, в таинственную страну животных?

Я понятия не имела, что́ могу изучать. Поэтому начала с того, что помогала в работе другим, например собирала растения для аспиранта. Именно за этим занятием я и увидела эму впервые. Обычно одновременно в лагере находилось всего шесть исследователей. Иногда я помогала другой женщине искать следы завезенных в Австралию лис. Однажды я и еще несколько человек убирали остатки ограды из колючей проволоки, сохранившейся с тех времен, когда на территории заповедника было фермерское хозяйство. Мы собирали столбики от ограды, чтобы пометить ими подземные лабиринты вомбатов для исследования доктора Паркер, когда три эму появились снова.

Они подошли бесшумно и оказались метрах в 500 от нас. Видимо, их интересовал похожий на птичье гнездо комок омелы, растущей на эвкалипте. И снова меня будто пронзило током. Внимание!

Мы приближались к ним с камерами и биноклями, прячась за кусты и совершая перебежки, когда нам казалось, что они нас не видят. Но эму видят все и всегда: у птиц зрение в 40 раз острее человеческого. Мы были уже меньше чем в сотне метров от них, когда один из них выпрямился во весь рост, вытянул черную шею и направился прямо в нашу сторону. Пройдя метров двадцать, смелая птица повернула прочь и побежала. Я заметила, что она подняла хвост и извергла изрядное количество

помета. После этого трое эму, не обращая на нас внимания, скрылись за склоном холма.

Я нашла помет и увидела, что в нем полным-полно зеленых семян. Омела! Теперь я знала, что буду изучать. Какова роль эму в распространении семян? Какими растениями они питаются? Помогает ли их помет семенам прорастать?

Теперь я целыми днями прочесывала буш в поисках помета эму. Для меня он был так же ценен и потенциально информативен, как топливные канистры, выброшенные с космического корабля пришельцев. Я собирала его, приносила в пакетах в лагерь и пыталась определить, что за семена в нем попадаются. Затем помещала половину семян обратно в экскременты, а другую половину на влажное бумажное полотенце и наблюдала, какие прорастут быстрее.

На закате одного особенно солнечного дня я присела отдохнуть на упавшее бревно. Глядя, как мясные муравьи ползают по моим ботинкам, я чувствовала себя счастливой и свободной. Теперь у моих хождений была научная цель. Подняв глаза от муравьев, я снова увидела пасущихся эму и нырнула за куст, надеясь, что смогу понаблюдать за ними подольше незамеченная, но они уже увидели меня. Один направился прямо ко мне, приблизился метров на 20, пробежался передо мной и остановился. Двоих других подошли и сделали то же самое, после чего все трое замерли в ожидании.

Что это было? Вызов? Приглашение? Проверка? Они, должно быть, гадали: опасна ли она? Погонится ли за нами? И если да, то как быстро она бегает?

Я поняла, что прятаться бесполезно. Мне сразу вспомнилась Джейн Гудолл: она изучала шимпанзе, и в детстве я зачитывалась в журнале *National Geographic* статьями о ее

исследованиях. Так вот Джейн никогда не пыталась наблюдать за животными, прячась от них. Напротив, смиренно и открыто она предлагала им свое присутствие, пока шимпанзе не привыкали к ней и не начинали чувствовать себя рядом с ней свободно.

С тех пор я стала каждый день одеваться одинаково: старая отцовская армейская куртка, синие джинсы, на голове — красная косынка. Я хотела, чтобы птицы привыкли ко мне и знали: это всего лишь я, и не представляю опасности. И рассчитывала, что они будут замечать меня задолго до того, как я увижу их.

После этого дня я стала встречать их чаще. Вскоре я уже виделась с ними почти ежедневно. А через несколько недель смогла приближаться к ним на расстояние в четыре-пять метров — так близко, что мне удавалось разглядеть их глаза с коричневато-красными радужками и черными дырочками зрачков, стержни их перьев и прожилки на листьях растений, которые они ели.

Я уже легко отличала их друг от друга. У одного была рана на правой ноге. Я назвала его Порченая Нога. (Это было австралийское выражение, как потом выяснилось, несколько грубоватое, которое я подхватила у служителя зоопарка.) Возможно, из-за этой раны он чаще остальных садился на землю. Черная Голова был, казалось, самым бойким в стае и, как правило, брал на себя инициативу. Несомненно, именно он подошел к нам во время моей второй встречи с эму. У Голошеего на глотке, там, где черные перья становились реже, светлело пятно. Он был самым пугливым. При сильном порыве ветра или приближении машины Голошней первым обращался в бегство.

Я говорю о каждом из них «он» без всяких отсылок к анатомии. Определить пол эму невозможно, пока кто-то не отложит яйцо. Но я не могла думать об этих чудесных созданиях обезличенно. И еще я поняла, что они совсем молоды, потому что у них не было голубых пятен на шее, которые украшают взрослых птиц. Кроме того, они, несомненно, были братьями и сестрами и всего за несколько недель или месяцев до этого покинули отца (именно самец высиживает зеленовато-черные яйца и заботится о вылупившихся птенцах, которых бывает до 20 штук). Как и я, они только начинали открывать свой мир.

Чем они занимались весь день? Мне хотелось знать. В одну из наших редких поездок в Аделаиду я зашла в университетскую библиотеку. Оказалось, что до сих пор никто не опубликовал научных статей, описывающих поведение стаи диких эму. Таким образом, не прекращая опыты по прорациванию семян (и да, после прохождения через кишечник эму семена прорастали быстрее!), я сфокусировалась на хронике повседневной жизни этих птиц.

Я составила контрольный список того, чем они занимались: ходили, бегали, сидели, паслись, ощипывали листья, чистили перья и так далее. Отмечала, что каждый эму делал, с тридцатисекундными интервалами в течение получаса. Затем подробно описывала следующие полчаса. И так поочередно с того момента, как находила их, пока они не оставляли меня позади и не скрывались. Каждый раз было ужасно видеть, как они уходят, но я никогда не пыталась бежать за ними: это было бы бесполезно.

Даже самые обычные их действия завораживали меня. То, как они садятся, стало для меня открытием. Сначала они опускались на «колени» — при этом птичье колено больше похоже на наш голеностоп, — а затем, к моему

удивлению, на грудь! Я и не подозревала, что они могут сидеть в двух разных позах. Наблюдать, как они поднимаются, было не менее удивительно. Чтобы встать, им надо было рвануться шеей и грудью вперед и подняться на колени, а уж потом, присев на корточки, вскочить на ноги.

Увидеть, как они пьют, тоже было неожиданностью — я ведь даже не включила это действие в свой контрольный список! Это произошло уже через несколько недель наблюдений за ними: после редкого в австралийском буше дождя они опустились на колени и стали пить воду из придорожной лужи. Многие обитатели пустынь получают всю влагу из пищи и обходятся вовсе без воды, поэтому-то я ничего подобного не ожидала.

Откровением и радостью было наблюдать, как они прихорашиваются. Мне нравилось смотреть, как они чистят свои остистые коричневые перья, расчесывая их клювами. В эти минуты я вспоминала, как в детстве после обеда, когда светило яркое солнце, мы с бабушкой садились на диван, и она расчесывала мне волосы. Я представляла, как им сейчас хорошо, и разделяла с ними удовольствие от этого умиротворяющего действия.

В ветреные дни, когда ветер разевал их перья, они танцевали, запрокидывая головы к небу и подпрыгивая в воздух на сильных ногах. Складывалось впечатление, что делали они это просто ради веселья. Было у них и чувство юмора. Однажды они приблизились к собаке рейнджера, привязанной на цепи возле дома. Собака истерически залаяла, но смельчак Черная Голова, высоко подняв голову, продолжал лоб в лоб идти на напрягшегося пса. Оказавшись метрах в шести, он вытянул свои короткие крылья вперед, вздернул шею и подпрыгнул в воздух, брыкаясь обеими ногами. Секунд через сорок к нему

ЗАСТЫВ,
Я СМОТРЕЛА НА НИХ,
ЗАЧАРОВАННАЯ
ИХ ГРАЦИЕЙ,
СИЛОЙ
И СВОЕОБРАЗИЕМ

присоединились двое других, и пес совсем обезумел. Затем эму пробежали метров триста так, чтобы собака их видела, и вдруг резко сели и начали прихорашиваться, будто поздравляя себя с успехом своей выходки. Я восхитилась смелостью пугливого Голошеего и Порченой Ноги. Должно быть, это их вожак, Черная Голова, придал им уверенности, и они решились подразнить хищника.

Все трое старались держаться вместе, в пределах 20 метров друг от друга. Всякий раз, когда один из них отходил слишком далеко, подняв голову, он оценивал ситуацию и бежал обратно. Через месяц мне иногда удавалось приблизиться к Черной Голове на полтора метра, а к остальным — на три.

«Назначив» Черную Голову вожаком стаи, я тоже смотрела на него соответственно, ожидая от него знаков. Поймав его взгляд, я могла попытаться понять, как он относится к тому, что я хожу за ними. В каком-то смысле я просила его разрешения следовать за его стаей.

Иногда он смотрел мне прямо в глаза, и мы встречались взглядами. В грязной одежде, с нечесанными волосами, спутанными, как шерсть бродячей собаки, купаясь во взгляде этой гигантской, непостижимой нелетающей птицы, я впервые в жизни чувствовала себя красивой.

В сумерках эму всегда становились пугливее. Любое быстрое движение — показавшаяся вдали машина, прыгающий кенгуру или уносимая ветром палатка (которая вообще-то до этого была моей) — заставляло их пуститься

в бегство. В конце концов, у Порченой Ноги была повреждена конечность, а раненое животное, даже такое сильное, как эму, всегда должно быть начеку. Но Голошней всегда бежал первым, и как только двое других устремлялись за ним, я могла даже не пытаться догнать их.

Каждую ночь, устроившись в своем спальном мешке, я думала, где спят эму. Или они просто отдыхают? Может, один из них стоит на посту, как часовой? Опускаются ли они на колени, или садятся полностью, или стоят, возможно на одной ноге, как замерзшие синицы у нас дома? Прячут ли они свои черные головы под короткими крыльями?

Иногда я вставала в четыре утра, надеясь застать их где-нибудь спящими. Но это мне ни разу не удалось. Зато однажды вечером я шла за ними, а они все не убегали. Уже почти стемнело, когда они сели, повернувшись все в одном направлении, под четырьмя низкорослыми эвкалиптами, которые образовывали навес под оранжево-фиолетовым закатным небом. Я тоже уселась на землю. Я была счастлива находиться рядом с ними. Но когда стало совсем темно, я вдруг сообразила, что ничего не записываю, и включила фонарик, чтобы засечь время. Они тут же вскочили на ноги и убежали.

Наутро после того счастливого дня я, как обычно, шла за ними. К тому времени у меня уже накопились тысячи страниц данных. Я шагала и думала о том, что делаю что-то полезное для науки. Однажды я подсчитаю все эти

цифры и выясню, какой процент времени эму проводят, прогуливаясь, пасясь, щипая листву, ухаживая за собой. Никто раньше этого не выяснял.

Когда мне пришлось отправиться на раскопки окаменелостей в другом месте, я обучила девушку-волонтера следовать за эму и собирать данные в мое отсутствие. Она выглядела компетентной и уверенной. Но не упустит ли она чего-нибудь? Раскопки были интересными, но меня не оставляли мысли о моем исследовании, и я уехала на день раньше.

Вернувшись, я обнаружила, что мой волонтер заполнила больше ста листов данных и прекрасно следит за эму. Мельком взглянув на эти листы, я пошла искать птиц. Было темно, ветрено, шел дождь, и эму нервничали, бегали трусцой, как часто бывало в такую погоду. Я нарушила свое собственное правило и попыталась побежать за ними, но они быстро исчезли в сгущающейся тьме. Когда дождь перешел в град, я бросилась в кусты и зарыдала.

Я поняла, что мне не нужны данные, собранные об эму. Я просто хочу быть рядом с ними.

Полгода работы без оплаты — это много. С самого начала я планировала через полгода вернуться в США. Скоро я соберу свою палатку и поеду жить в домик, который Говард снял для нас в маленьком городке в Нью-Гэмпшире.

За пять дней до отъезда из заповедника я нашла своих эму сидящими рядом с их любимыми зарослями дикой горчицы. При моем приближении Порченая Нога

повернулся в мою сторону, а затем две другие головы поднялись и тоже повернулись ко мне. Думаю, что они сидели, потому что был сильный ветер, сбивающий с ног. Я легла на живот, чтобы не бороться с ветром, и смотрела, как они набирают полные клювы дикой горчицы и чистят себе перья. Ветер стих, и к полудню мы двинулись в путь, направляясь к тому месту, где я впервые увидела их. Мы пересекли море колючек. Перешли через главную дорогу заповедника. Мимо проехал грузовик, но они не испугались. Я подошла к Черной Голове на десять метров и взглянула ему прямо в глаза. Потом посмотрела на Голошнеого и Порченую Ногу. Никогда прежде я не видела их такими спокойными. И подумала: сегодня ночью?

Она будет безлунной. Неужели я наконец увижу их спящими?

Даже в сумерках никто не стал убегать прочь от меня. Мы вместе вошли в густой кустарник, где я раньше не бывала. В темноте я видела только Порченую Ногу метрах в пятнадцати от себя. За те месяцы, что мы были знакомы, рана его зажила, но я всегда испытывала к нему особую нежность, и его доверие, то, что он позволил мне приблизиться к нему в темноте, очень много значило для меня. Я слышала шаги Голошнеого и Черной Головы.

Я не могла видеть ни свои записи, ни часы. Даже звезды были скрыты за облаками. Но я услышала, как птицы садятся. Глухой удар — они опустились на колени. Еще один — на грудь. Мне было слышно, хотя и не видно, все, что они делали: шарканье их огромных ног, звук, с которым они перебирали клювами перья. А потом наступила тишина. Я больше не беспокоилась о сборе данных. Важно было то, что мы в темноте и безопасности и мы вместе, когда они спят.

День до отъезда я провела с эму от рассвета до заката. Как бы ни хотелось мне вернуться к Говарду, снова увидеть своих хорьков и неразлучников, встретиться со всеми друзьями, я была убита горем оттого, что мне предстояло покинуть эму. Если бы только я могла рассказать им, как много они мне дали: умиротворение, такое же, как то, которое они испытывали, когда чистили свои перья; восторг, такой же бурный, как их танец на ветру; удовлетворение, такое же полное, как чувство сытости от омелы.

Я многое узнала в австралийском буше, начиная с того, как надо изучать поведение животных, и заканчивая тем, как писать на улице, чтобы не намочить себе ботинки. Прожив в буше полгода, я поняла, что никогда уже не смогу натянуть на себя колготки и пойти работать в офис под началом босса. Теперь я знала, что всю оставшуюся жизнь буду писать о животных, куда бы меня ни привели их истории. Молли, которая когда-то спасла мне жизнь, указала мне и мое предназначение. А эму позволили сделать вместе с ними первые шаги по этому пути.

Собранные мною сведения об эму были новы, но не содержали в себе ничего сенсационного. Я не нашла птиц, использующих орудия труда или ведущих войну против других групп эму, как это обнаружила Джейн Гудолл, изучая шимпанзе. Однако в последние часы работы с эму я поняла кое-что, что оказалось крайне важно для меня как для писателя. Чтобы начать понимать жизнь какого бы то ни было животного, требуются не только любознательность, опыт и логика. Для этого нужна внутренняя связь, такая же, какая была у меня с Молли. И поэтому мне необходимо открыть не только ум, но и сердце.

ГЛАВА 3

КРИСТОФЕР ХОГВУД

В Нью-Гэмпшире мы с Говардом устроились прекрасно. Нам полюбились его леса и болота, его короткое жаркое лето, пылающая листвой осень и сверкающие снегом зимы. Мы оба работали на фриланс: чтобы написать статью о гигантских насекомых и опоссумах, я съездила в Новую Зеландию, на Гавайи и в Калифорнию общалась с исследователями языка животных, а еще я вела колонку о природе для «Бостон Глоб». Говард регулярно писал для исторических и архитектурных журналов и разных газет. Мы быстро подружились с парой постарше, у которой арендовали маленький домик в городке Нью-Ипсвич рядом с главной улицей. А когда наша библиотека и архивы перестали там помещаться, переехали в Хэнкок, небольшой город неподалеку, на половину фермерского дома, рассчитанного на две семьи, с тремя гектарами земли. Там были ручей, хлев и огороженное поле. После гарнizonного детства с частыми переездами я почувствовала, что наконец-то обрела дом.

Мы отпраздновали публикацию первой книги Говарда «Космополис» о городах будущего. Я заключала контракт на свою первую книгу, в которой собиралась написать о героях моего детства — приматологах Джейн Гудолл, Дайан Фосси и Бируте Галдикас — и планировала поехать для этого в Восточную Африку и на Борнео. Наконец, мы поженились: свадьба прошла на ферме наших друзей в присутствии 30 человек, четырех лошадей, трех кошек, собаки и новорожденного жеребенка.

Но внезапно все изменилось.

Дом, в котором мы жили, выставили на продажу. Издатель разорвал со мной контракт на книгу. Я все равно поехала в Африку, где за два месяца объездила три страны, но в конце Джейн Гудолл так и не смогла встретиться со мной в своем лагере, как обещала. Таким образом я осталась на мели и, что еще хуже, без сцены, необходимой для первой главы. Но самое ужасное, что мой пapa, мой герой, умирал от рака легких. Я чувствовала, что теряю почти все: наш дом, мою книгу, отца.

В общем, это было не самое подходящее время для того, чтобы завести животное, тем более такое, какого мы никогда раньше не держали. И тем не менее в серый марсовский день, один из тех, когда вся машина забрызгана грязью, летящей из-под колес, а нестаявший снег похож на мокрые скомканые салфетки, мы ехали по грунтовой дороге к нашемуциальному дому, а на коленях у меня в обувной коробке лежал чахленький черно-белый пятнистый поросенок.

Взять его предложил Говард. Я была в Вирджинии, ухаживала там за отцом, когда из соседнего города позвонили наши друзья-фермеры. Их свиноматки произвели той весной рекордное количество пороссят, в том числе очень мелких. Но самый маленький из них был вдвое меньше остальных. Он был болен всеми болезнями на свете: у него гноились глазки, он страдал от глистов и поноса. Друзья называли его «пятнистое нечто». Этот заморыш нуждался в таком количестве тепла и заботы, какого фермеры просто не могли ему дать. Кроме того, даже если бы он выздоровел, кому нужна на забой мелкая свинья? А всех его сородичей ждала именно такая участь. Не могли бы мы взять его?

В другое время Говард даже не рассказал бы мне об этом звонке. Он не давал мне ходить в местный приют для животных, боясь, что я вернусь домой с половиной его обитателей. Хорьков у нас больше не было, но с тех пор, как мы переехали в Хэнкок, к нашим неразлучникам добавились попугай корелла, хозяева которого больше не желали его видеть, попугай красная розелла, не имевший прежде хозяев вовсе, и ласковый, игривый бело-серый кот нашего хозяина. Однако теперь Говард отчаянно хотел подбодрить меня. И лучшее, что он смог придумать, это взять поросенка.

Мы назвали его Кристофером Хогвудом в честь дирижера, основавшего оркестр «Академия старинной музыки», — его записи часто передавали по Общественному радио Нью-Гэмпшира. Мы надеялись, что все, что нужно этому парнишке, — немного тепла, немного любви

и увезти его подальше от голодных братьев и сестер, которые оттесняли его от еды.

Но мы никогда раньше не выращивали свиней. Больше того, мы никого никогда не выращивали, разве что детенышей наших хорьков, но вообще-то их материправлялись без нашей помощи. Мы даже не были уверены, что Крис выживет. А если да, то понятия не имели, насколько крупным он вырастет. И поскольку большинство свиней забивают и съедают в нежном полугодовалом возрасте, мы не представляли, как долго они живут.

Однако самым большим сюрпризом оказалось то, что с момента, когда больной поросенок приехал к нам домой, он начал исцелять меня.

«Ух. Ух! УХ!» Такие крики раздавались, как только большие мохнатые уши Кристофера Хогвуда улавливали звук моих шагов, приближающихся к хлеву. Похоже было на то, что он не мог дождаться нашей встречи. И когда я, наконец, подходила, мы оба визжали от восторга. Я открывала временные ворота в его стойло, сделанные из палет и веревок, и садилась на сено и опилки, чтобы покормить его завтраком.

Затем он своим чудесным пятаком исследовал лужайку, задумчиво что-то бормоча, а когда это ему надоело, мы возвращались в стойло, и он толкал меня своим удивительно сильным, влажным рыльцем в локтевой сгиб, и мы уютно устраивались рядышком.

Со своими трогательно большими ушами — одно розовое, другое черное, постоянно двигающимся розовым пятачком и черным пятном над одним глазом, как у Спадза Маккензи — собаки из рекламы, Кристофер был самым очаровательным ребенком из всех, что я когда-либо видела. Он казался невероятно милым, потому что был очень маленьким. Каждое его копытце уместилось бы на двадцатипятицентовой монете. Представьте себе свинью, которую можно положить в коробку из-под обуви! Но если тельце его было крошечным, то личность — выдающейся. Он был веселым, любознательным и очень общительным. Мы быстро научились понимать, чего он хочет: «Ух. Ух! УХ!» означало «Иди сюда — сейчас же!», «Ух? Ух? Ух?» — «Что у нас на завтрак?», «Ух. Ух», — медленно и глубоко — значит, я должна почесать ему пузо. («Ухххх» указывало на то место, где надо было чесать еще.) Визг «рии!» выражал беспокойство, а повышение тона указывало на боль и страдание. У него было специальное приветственное хрюканье для Говарда и отдельное — для меня. Он буквально вил из меня веревки: я любила его так сильно, что мне было даже страшно.

К сожалению, восторг, с которым я смотрела на своего ребенка, не разделяли мои родители, когда смотрели на своего. Они злились на меня. Я была не такой, как они хотели. Они убеждали меня выбрать в колледже подготовку к военной карьере. Я отказалась. Они сохраняли за мной членство как в городском, так и в загородном

военных клубах Вашингтона, надеясь, что там я смогу познакомиться с достойным молодым офицером. И этого я не сделала. Человек, с которым я решила связать свою жизнь, должно быть, переполнил их чашу терпения. Говард, с его пышными выющимися волосами и прогрессивными взглядами, ничуть не был похож на военного, которого они мечтали ввести в свою семью. К тому же он был иудеем, а я выросла в лоне методистской церкви. Его семья принадлежала к среднему классу и была либеральной, а моя — богатой и консервативной. В ядовитом письме, которое отец прислал мне через неделю после нашей с Говардом свадьбы, он официально отрекся от меня, сравнив со змеей из шекспировского «Гамлета»: «Змея — убийца твоего отца»*. Для родителей я была чуждой формой жизни.

Тем не менее, когда через два года моя тетя, жившая в Калифорнии, сообщила мне, что отец болен, я немедленно купила билет на самолет и отправилась в Вашингтон, чтобы быть с ним после первой операции на легких, которую ему сделали в военно-медицинском центре имени Уолтера Рида. Они с матерью были счастливы увидеть меня и радовались каждому моему приезду. Но мой муж никогда не был желанным гостем в их доме, даже на панических похоронах. И хотя я находилась рядом, когда он умер, отец никогда не говорил мне, что простил меня. А мать тоже не смогла принять мой образ жизни, так сильно отличавшийся от их собственного.

В отличие от человеческой семьи, различия между Кристофером и мной (он четвероногий, я двуногая, у него копыта, а у меня их нет, и т.д.) не омрачали наши

* Цит. по пер. Б. Пастернака. — *Прим. пер.*

отношения. Он был поросенком, и я любила его за это, так же как любила Молли не вопреки тому, что она была собакой, а потому, что она была собакой. И вскоре мне предстояло узнать, что Кристофер также великодушно принимал и, возможно, прощал мне то, что я всего лишь человек.

Помимо физических различий между мной и Кристофером было и еще одно. Я была стеснительна. Он — ничуть. Кристофер был экстравертом, обожал общество — и искал его, частенько вырываясь из своего стойла. Мы закрепляли импровизированные ворота, завязывая веревки хитроумными узлами, но Крис со свойственной свиньям сообразительностью, с помощью подвижного рыльца и губ, умудрялся открыть их. Он желал навещать соседей.

«У нас на газоне свинья! Это ваша?» После такого телефонного звонка я высакивала за дверь и мчалась за ним, иногда еще непричесанная, в ночной рубашке, что, конечно, было не лучшим вариантом для общения с едва знакомыми людьми. Но мне всегда бывали рады, потому что к тому моменту, когда я прибегала, Кристофер успевал совершенно очаровать хозяев. Они уже чесали его за ушками, или гладили по пузу, или кормили вкусненьким. «Он такой милый! Такой дружелюбный!» — воскликнули они. Им хотелось знать о нем всё.

Раньше я затруднялась придумывать темы для разговора. Я совершенно не разбиралась во всем том, о чем болтают большинство людей: в детях, машинах, спорте, моде, кино... Но теперь, даже на званых вечерах, которых я всегда побаивалась, мне было о чем рассказать: о том, как хитроумно Кристофер организовывал свои побеги; о том, что свиньи не только узнают людей, но и помнят

Он научил нас любить.
Любить все, что дает нам жизнь.
Даже если она подсовывает обедки

их годами; о том, что Крис обожает арбузные корки, но ненавидит лук и не сметает все подряд, а осторожно выбирает из миски каждый кусочек. «Что вы собираетесь с ним делать?» — спрашивали меня. «Я вегетарианка, а мой муж иудей, — объясняла я. — Поэтому есть его мы, конечно, не собираемся. Но можем отправить его за границу учиться в университете». Потом мы стали приглашать гостей на то, что называлось у нас «ужином с шоу». Они приносили все, что завалялось у них из еды: черствые круассаны, недоеденные макароны с сыром, залившееся в морозилке мороженое — и смотрели, как Кристофер ест угощение. Это всегда бывало весело. Янки терпеть не могут выбрасывать еду, и им было приятно видеть, как Кристофер наслаждается ею. Вскоре соседи, бывшие друг другу чужими, стали друзьями.

Кристофер появился как раз вовремя, потому что нам с Говардом удалось стать землевладельцами. Нам повезло купить дом, в котором мы жили. Его стоимость упала, когда хозяева обнаружили, что земли чуть-чуть не хватает до трех гектаров, что делало собственность одним лотом, а не двумя. Итак, привязанные к нашему любимому дому растущей свиньей, мы, как и большинство молодых супружеских пар, осевших на одном месте, задумались о расширении семьи.

Первыми появились Дамочки. Одна из моих лучших подруг подарила нам на новоселье восемь черных кур, выращенных дома. Они выглядели как монашки, если,

конечно, у монашек бывают задорные красные гребешки, оранжевые глаза и чешуйчатые желтые ноги. Они свободно бродили по участку, выискивая жучков, бормоча своими певучими голосами, и спешили поприветствовать нас, когда мы появлялись, в расчете на угождение или садились перед нами, чтобы их погладили и взяли на руки.

Затем появилась Тэсс — красавица бордер-колли с длинной черно-белой шерстью и непростой судьбой. Выведенные как пастушьи собаки, бордер-колли известны своей независимостью, эмоциональностью, своеенравием и умом. Говард всегда хотел такую собаку. Однако у них есть особенность: в отсутствие овец и коров они гоняются даже за насекомыми — или за школьными автобусами. Они постоянно нуждаются в активности. После того как Тэсс, еще щенком, запрыгнула на обеденный стол во время званого обеда, ее первые владельцы отдали ее в приют, находившийся по соседству с нами, который держала известная местная зоозащитница Эвелин Нэгли. Однажды зимним днем Тэсс играла с ребенком, и тот бросил мяч на улицу перед приближающейся снегоуборочной машиной. После этого Тэсс перенесла не одну операцию и почти год восстанавливалась. Ее отдали в еще одну семью, но через год владельцы вернули собаку в приют, потому что лишились дома из-за экономического кризиса. Тэсс было всего два года, когда мы забрали ее от Эвелин, но она уже знала, что такое боль, утраты и отверженность.

Тэсс была великолепной спортсменкой и, несмотря на травмированную ногу, буквально взлетала в воздух, ловя мячи и летающие диски. Она знала много английских слов и беспрекословно слушалась. Однако, за исключением тех случаев, когда мы играли в ее любимые спортивные игры (что, как оказалось, надо было делать

примерно раз в час), Тэсс была настолько же осмотрительна с людьми, насколько Крис — открыт. Она не делала свои дела и не ела без специального разрешения. Она давала погладить себя, но явно чувствовала себя при этом не в своей тарелке. Она не лаяла неделями, будто боялась подать голос в доме. В первый раз, когда мы позвали ее к себе на кровать, она посмотрела на нас с изумлением и недоверием. Когда мы похлопали по одеялу, она послушно вскочила, но через секунду спрыгнула обратно, словно не могла поверить, что мы могли такое захотеть.

Тэсс, казалось, держала под замком свои чувства. Но мы знали, что можем изменить это. Пусть любовь не сумела победить рак, которым болел мой отец, но я была свидетельницей тому, как она спасла маленького больного поросенка: к годовалому возрасту Кристофер превратился в 110-килограммового крепыша и продолжал расти. Конечно же, наша любовь могла победить все то плохое, что преследовало нашу прекрасную Тэсс в прошлом.

Вслед за собакой, как в сказке, появились и дети. Но не обычным способом. Я никогда не хотела иметь детей, даже когда сама была ребенком. Поняв, что никогда не смогу родить щенков, я еще в детстве вычеркнула деторождение из списка своих желаний. Мне казалось, что Земля и так переполнена человеческими существами.

Большинство наших с Говардом друзей или не имели детей, или были старше нас, и их дети уже выросли. Я не жалела о том, что мы бездетны. К тридцати годам

у меня была замечательная работа, муж, дом, кошка, собака, куры, попугай и свинья, которая на втором году жизни весила больше 150 килограммов. С точки зрения чистой биомассы наша семья была намного больше, чем у наших ровесников.

Ко второй осени жизни Кристофера мы установили новый порядок. Теперь он был настолько большим и сильным, что водить его на поводке стало невозможно. Но я могла заманивать его ведром пищевых отходов, с которыми нам теперь помогала вся округа, на его просторный «свинячий участок» на заднем дворе. Позади нас бежала Тэсс, держа в зубах летающий диск фрисби. За ней следовали черные куры. На участке я вываливала из ведра объедки и привязывала длинный трос к специально сделанной сбруе Кристофера. Пока он ел, я разговаривала с ним и бросала Тэсс тарелку. И именно этим мы занимались октябрьским днем, когда Крис прервал трапезу, поднял голову, сморщил пятачок и хрюкнул. Я проследила за его взглядом и увидела двух маленьких светловолосых девочек, мчавшихся к нам, словно их тянуло магнитом.

— Это даже круче, чем лошадь. Это свинья! — кричала девочка лет десяти младшей сестре. Потом она обратилась ко мне: — Можно его погладить?

Я показала, как, поглаживая его по животу, можно заставить Криса плюхнуться на бок. Пока он хрюкал от свиного блаженства, маленькие ручки тянулись к мягкой шерстке у него за ушами, а я показывала четыре пальца на каждом из его копыт, его пробивающиеся клыки, его многочисленные соски. Девчушки были в восторге.

Кристофер, конечно же, радовался компании. Тэсс наслаждалась тем, что появилось еще две пары свободных рук, чтобы бросать фрисби. Пока куры клевали объедки,

я узнала, что девочки скоро въедут в пустой дом по соседству. Переезд был вызван разводом родителей, и они совсем не радовались новому жилищу — до этих пор.

После переезда десятилетняя Кейт и семилетняя Джейн стали бывать у нас почти каждый день. Они часто приносили Кристоферу бутерброды и яблоки, которые, как я вскоре узнала, берегли для него с самого утра. («Я даже не знаю, зачем упаковываю и даю им с собой их школьные обеды, — призналась мне их мама Лила. — С таким же успехом я могла бы сразу отдавать их Кристоферу».) Периодически они заявляли, что мороженое слишком смерзлось в морозилке, чтобы его есть, и настаивали на том, чтобы скормить его Крису ложкой. Он поднимался на задние ноги, ставил передние на створки ворот и терпеливо ждал, открыв свой огромный, как пещера, рот. Вскоре Крис начал приветствовать девочек особенным нежным хрюканьем, с которым не обращался ни к кому больше.

Кроме того, Кейт и Джейн устраивали свинячье спа. Однажды весенним днем Кейт решила, что длинную шерсть на кончике хвоста Кристофера нужно расчесать. Потом, конечно, ее понадобилось заплести в косичку. Все это неизбежно вылилось в целый сеанс процедур для нашей свиньи.

Мы принесли из кухни в ведрах теплой мыльной воды и еще теплой воды для ополаскивания. Пустили в дело косметику для лошадей, придающую блеск копытам. Кряхтя от удовольствия, лежа в мыльной воде, Кристофер ясно давал понять, что обожает спа, — пока вода не остыла. Тут он завизжал так, будто его режут, и мы понеслись на кухню за горячей водой. Вновь оказавшись в теплой водичке, он сразу простил нас.

Вскоре к нам присоединились и другие дети. Некоторые стали постоянными посетителями. Одни соседи всегда привозили к нам своих внуков, когда те приезжали из Айовы. В этом штате нет недостатка в свиньях, но дети никогда не видели, чтобы кто-то из них наслаждался спа. Удивительно жизнерадостная девочка-подросток Келли приходила после сеансов химиотерапии. К тому времени Крис стал огромным и сильным и одним толчком рыльца мог опрокинуть поленницу, но с ней он всегда бывал очень нежен и осторожен. Два мальчика, у семьи которых был еще дом в Массачусетсе, по несколько дней хранили в холодильнике обедки, чтобы привезти их в Хэнкок и отдать Крису; однажды они принесли свежие шоколадные пончики и разделили их между детьми и свиньей. Впервые в жизни я узнала, как весело, оказывается, играть с детьми, и с нетерпением ждала их каждый день.

Когда мама Кейт и Джейн пошла учиться, чтобы освоить новую врачебную специальность терапевта, девочки стали приходить к нам сразу после школы и оставались, пока она не возвращалась домой. Говард ходил с Джейн на ее футбольные матчи. Я помогала Кейт делать уроки. Зимой Говард разводил огонь в печке в соседском доме, чтобы он прогрелся к приходу Лилы. Она приглашала нас на ужины. Мы брали девочек с собой в поездки. Однажды съездили на ферму, где родился Кристофер. Посетили заповедник, чтобы выпустить скунса, которого поймали в своем курятнике. Переночевали в палатке на съезде астрономов в Вермонте. Мы пекли печенье, читали книги, проводили вместе праздники.

Дамочки первыми поняли, что происходит. Если раньше они не нарушали границ наших владений, то теперь начали перепархивать через каменную стену,

разделявшую два задних двора, и бродить по обоим, как будто были хозяйками и тут и там. Каким-то образом они сообразили: хотя мы не все были родственниками, благодаря Кристоферу Хогвуду два наших хозяйства стали единым целым.

Слава Кристофера росла пропорционально его размерам. Когда ему исполнилось пять лет, его вес превысил 300 килограммов, что было неудивительно, ведь теперь он получал еду отовсюду. Почтальонша приберегала для него овощную кожуру и клала в наш почтовый ящик желтую карточку, чтобы сообщить, что пора забирать ее. Владелец сырной лавки из соседнего городка доставлял ему прямо в стойло ведра с остатками еды: хлебные корки, прохладный суп, попки помидоров, — сопровождая кормление исполнением оперных арий. Соседи приносили яблоки, переросшие кабачки, сыворотку, оставшуюся после приготовления сыра. У Криса появились поклонники по всему земному шару. Я показывала фотографии нашей могучей свиньи, чтобы произвести впечатление на новых друзей, с которыми встречалась в экспедициях по изучению гепардов, снежных барсов и больших белых акул. Дома все так восхищались им, что на каждом выборах он набирал голоса, подаваемые за кандидатов, которых нет в списке.

Что же такое было в Кристофере Хогвуде, что привлекало к нему буквально всех? Позже Лила сформулировала это так: «Он был великим буддийским учителем. Он научил нас любить. Любить все, что дает нам жизнь. Даже если она подсовывает объедки».

И это правда. Крис любил свою еду. Любил теплую мыльную воду свинячьего спа, любил, когда маленькие детские ручки трепали его за ушами. Любил общество людей. Кем бы вы ни были — ребенком или взрослым,

больным или здоровым, смелым или робким, протягивали ли вы арбузную корку, шоколадный пончик или пустую руку, чтобы почесать его за ухом, Кристофер приветствовал вас радостным хрюканьем. Неудивительно, что все обожали его.

Благодаря каждодневным урокам этого Будды на раздвоенных копытцах я не могла не научиться наслаждаться богатствами этого мира: теплом пригревающего солнца, радостью игры с детьми. Кроме того, его душа и тело были такими большими, что на их фоне мои печали казались меньше. После многих переездов Кристофер Хогвуд помог мне обрести дом. И после того, как мои родители отреклись от меня, Кристофер помог мне создать настоящую семью из множества не связанных родственными узами людей и животных самых разных видов — семью, которая держалась не на общих генах и крови, а на любви.

ГЛАВА 4

КЛАРАБЕЛЬ

Затаившись в джунглях, с мокрым от пота лицом, я ждала, что из норы на меня вот-вот выскочит дикий зверь.

Прошло всего несколько часов после того, как мы с фотографом Ником Бишопом приземлились на севере Южноамериканского континента, во Французской Гвиане. До этого нам пришлось долго лететь над огромными мозаиками мангровых болот и нескончаемыми лесами. Нам говорили, что, если прибыть сюда ночью, первое, что поражает, — как же здесь темно. В этой стране размером со штат Индиана живет всего 150 000 человек, и большую ее часть занимают девственные тропические леса. Но мы прилетели днем и сразу же вместе с Сэмом Маршаллом, биологом из Хайрама, штат Огайо, отправились в Трезор-Ресерв за добычей.

До этого я уже побывала в джунглях на трех континентах, проводя исследования для своих книг, и успела познакомиться со львами, тиграми и медведями. Но эта поездка отличалась от предыдущих. Как и раньше, объектами нашего интереса были главные хищники в экосистеме,

к тому же одни из самых крупных представителей своего вида. Однако в этот раз мы «охотились» на пауков.

Сэм называл этот вид — самого большого тарантула на Земле, птицееда-голиафа — «королем джунглей». Самки достигают веса больше 100 граммов и имеют голову иногда размером с абрикос. А размах лап у них такой, что, если бы та паучиха, которую Сэм нашел в норе, выскочила, она вполне могла бы закрыть мне все лицо.

Думать об этом было тревожно. Хотя яд тарантула не смертелен для здорового взрослого человека, но больше чем сантиметровые черные клыки голиафа, безусловно, повредят кожу. И если паук решит впрыснуть свой яд, который парализует его добычу, то тошнота, потливость и боль гарантированы на весь день.

И все же, лежа на животе в грязи, в нескольких сантиметрах от входа в нору, которая может достигать шести метров в глубину, наш рыжеволосый хозяин умоляюще звал к пауку:

— Выходи! Я хочу встретиться с тобой!

Подражая звукам, издаваемым насекомыми, потому что излюбленной добычей птицеедов являются вовсе не птицы, а жуки, Сэм шевелил веточкой, пока не почувствовал, что паук ухватил ее педипальпами — ногощупальцами, расположенными в передней части головы.

— Она очень сильная! — прокомментировал он.

В свете своего налобного фонаря он мог видеть, что паук — самка. Самки тарантулов крупнее самцов и у некоторых видов живут по 30 лет. Сэм снова пошевелил веточкой. Из норы донеслось шипение. Птицееды-голиафы издают этот угрожающий звук, потирая конечности. Именно это сделала наша паучиха. Прошла буквально секунда, и Сэм провозгласил:

— Она идет!

Огромный тарантул с топотом выскочил из норы, покачиваясь на своих восьми лапах, состоящих из семи сочленений каждая. Его голова была размером с небольшое киви, а брюшная часть — с мандарин. Это еще не взрослый паук, сказал нам Сэм, ему, вероятно, года два. И все же малолетка бесстрашно ринулась вперед, совершив бросок на 10–12 сантиметров, чтобы встретиться лицом к лицу с тремя чудовищами, которые вместе весили как минимум в 4000 раз больше, чем она.

Не обнаружив добычи, тарантул благоразумно вернулся к выходу из норы, но оставался начеку. Все его восемь глазrudиментарные, но это ему не мешало, ведь пауки ощущают запах и вкус с помощью особых чувствительных волосков на лапках. Стоя у входа в нору на шелковой подстилке, которую она соткала из своей паутины, паучиха могла уловить вибрацию от шагов даже крохотного насекомого.

— Она знает, что мы тут, — сказал нам Сэм.

Но она не испугалась.

Это впечатляло не меньше, чем встреча с тигром. Хотя о тиграх я знала гораздо больше, чем о пауках. Я, конечно, повидала немало пауков, однако никогда ни с одним из них не встречалась раньше вот так, лицом к лицу. Вскоре это станет для меня обычным делом.

— Удар! Еще удар!

Мы с Ником сидели на корточках позади него, а Сэм комментировал все, что мог видеть благодаря своему

фонарику, заглядывая в паучью нору. Птицеед атаковал его веточку.

— Отход назад... Удар! Она не собирается выходить и играть, — наконец разочарованно протянул Сэм. — Она в ярости и поднялась на дыбы.

При явной угрозе тарантулы встают на задние лапы, а передние держат, как каратисты, готовые к нападению. При этом они показывают свои длинные черные клыки; иногда из клыков сочится яд.

Укусов Сэм не боялся — он 20 лет изучал тарантулов, и за это время его еще ни разу не кусали, — но на всякий случай отвернулся от входа в нору.

— Она может начать кидаться волосками, — пояснил он.

Вместо того чтобы укусить, раздраженный птицеед-голиаф задними лапами стряхивает со спины особые острые волоски, которые, попадая в глаза, нос и рот «нападающему», вызывают боль и зуд, не проходящие несколько часов.

Этого Сэм совершенно не хотел, потому что, как и мы после второго дня наблюдений за норами птицеедов, уже достаточно мучился от укусов других беспозвоночных, в основном клещей. Хотя Сэм уверял нас, что эти джунгли «безобиднее, чем лес в Огайо», где у него была лаборатория по изучению пауков, мы все каждый вечер принимали «Бенадрил» и «Экседрин», чтобы унять зуд, боль в мышцах и избавиться от вздутий на месте укусов.

Наши исследования были захватывающими и изнурительными. «У меня все болит, — записала я в своем полевом дневнике на третий день нашего пребывания во Французской Гвиане. — Мы мокры от пота, грязны

с ног до головы, и на нас так много клещей, что мы уже перестали искать их».

Норы птицеедов обычно находились на крутых (больше 45°) склонах, покрытых гигантскими скользкими влажными листьями и заваленных гниющими поваленными деревьями, которые прогибались под нашими ногами. И хотя там было только два растения с прокалывающими кожу шипами (одно пальма, а другое лиана), мы то и дело натыкались на них, а при жаре больше 30 °С и 90%-ной влажности даже небольшая ранка может быстро инфицироваться. В бурой листве могло быть скрыто осиное гнездо (Сэма ужалили на второй день), а среди палой листвы и гнилых стволов прятались смертельно опасные ядовитые змеи.

Поэтому в конце дня особенно приятно было возвращаться в «Изумрудные джунгли» — центр изучения природы, где мы остановились. Им управляли голландский натуралист Йоп Монен и его жена Марейке. В центре были побеленные, крытые жестяной кровлей гостевые домики, а в них — вентиляторы, горячая вода и удобные кровати с москитными сетками. Обширная территория была засажена местными тропическими растениями, и между ними вились многочисленные тропки. Но лучше всего было то, что даже среди этого комфорта животные постоянно были рядом, и даже в наших комнатах. По наружным и внутренним стенам вверх и вниз, как капли дождя, скользили гекконы. В нашей душевой обитала жаба. А однажды утром, собираясь встать с постели, я увидела, как из моего ботинка выползла маленькая змейка, которая нашла там убежище на ночь.

Естественно, Сэму не терпелось обследовать каждый уголок наших жилищ в поисках тарантулов. И как-то днем

он нашел одного в горшке с бромелией на выложенной плиткой веранде в непосредственной близости от своей комнаты.

— Смотрите-ка! Авикулярия! — крикнул Сэм.

— Можешь дать мне свою ручку? — попросил он меня, когда я подошла.

Ручка была нужна ему не для записей. Он просунул ее между заостренными, как у ананаса, листьями и осторожно подтолкнул тарантула размером с детский кулак, чтобы тот шагнул вперед — в его раскрытую ладонь.

— Сай, — обратился он ко мне, — хочешь подержать ее?

Страх перед пауками отнюдь не врожденный — это подтверждено многими психологическими экспериментами, — однако люди очень легко поддаются арахнофобии. Научить молодого человека или животное бояться чего угодно, хоть безобидного цветка, элементарно. Но в экспериментах люди (и обезьяны) гораздо быстрее приучаются бояться пауков или змей, а не растений, например. Я, как и большинство американцев, выросла на многочисленных историях о страшных и опасных пауках. Несколько раз в юности и уже будучи совсем взрослой, я просыпалась по утрам с горячей покрасневшей припухлостью на теле, и врачи диагностировали это как укус паука (что, если верить Сэму, как правило, неверно), отчего у меня создалось впечатление, будто пауки кусаются просто так, ни с того ни с сего, да еще прячутся буквально повсюду, даже в постели. В детстве мама пугала меня рассказами о черных вдовах — пауках, которые в 15 раз ядовитее, чем гремучая змея. В Австралии я научилась быть осторожной с краснospинными пауками, родственниками черных вдов, которые, однако, кусают людей гораздо чаще, потому что любят селиться в темных местах, скажем в уборных. Все это

СТРАХ
ПЕРЕД ПАУКАМИ
ОТНЮДЬ
НЕ ВРОЖДЕННЫЙ

пронеслось в моем мозгу, пока Сэм предлагал мне взять в руки живого дикого тарантула.

Я опустила глаза и увидела, что, еще прежде чем ответить, уже протянула ему раскрытую ладонь.

Сэм снова подтолкнул паучиху ручкой в брюшко, и она вытянула сначала одну черную волосатую ножку, потом другую, потом еще одну за другой и, наконец, оказалась в моей руке. Ее изогнутые коготки, как у японских жуков, которых я любила держать в детстве, слегка покалывали мне кожу. Она постояла немного, пока я любовалась ею. Это была красавица-брюнетка, которая выглядела так, словно только что сделала модный педикюр: кончики ее лапок были ярко-розовыми. Этот вид так и называют: розово-лапый тарантул. Они очень мирные и редко кусаются. Даже их волоски обычно не имеют раздражающего воздействия.

Она тронулась дальше. Сначала медленно, ступая передними лапками, пересекла мою правую ладонь и перешла на подставленную левую, точно так же как моя первая черепаха, Мисс Желтые Глазки, делала, когда я была ребенком. Кстати, этот тарантул и весил примерно столько же, сколько моя черепаха.

А потом произошло нечто удивительное. Держа ее в руке, я буквально почувствовала связь с этим существом. Я больше не видела в ней большого паука; теперь я видела в ней маленькое животное. Конечно, она была и тем и другим. К «животным» относятся не только млекопитающие, но и птицы, и рептилии, и амфибии, и насекомые, рыбы и пауки и многие другие. Но, возможно, потому, что тарантул был пушистым, как бурундук, и достаточно крупным, чтобы его можно было взять на руки, теперь я видела его и всех других пауков в новом свете. Эта паучиха стала в моих глазах личностью, и теперь, держа ее

на ладони, я была в ответе за нее. Волна нежности захлестнула меня, пока я смотрела, как она шагает, мягко, медленно и осторожно, по моей коже.

Но тут она начала ускоряться. Что она делает?

— Они разбегаются, а потом взмывают вверх, — пояснил Сэм.

Когда такое происходит в его лаборатории, он советует студентам отойти подальше, если те не хотят, чтобы летящий тарантул приземлился прямо на них. Розоволапые плетут свои шелковые домики и на карнизах зданий, и в кустах, и на растениях на ананасовых плантациях, но они знают, что их родина — деревья, и если чувствуют угрозу, то устремляются наверх.

Теперь я занервничала, да так, что меня начала бить дрожь. Но беспокоило не то, что мне на лицо может прыгнуть тарантул. Мне стало нехорошо, потому что я испугалась, что это прекрасное, хрупкое живое существо приземлится на выложенную плиткой веранду, а это опасно для него. У всех пауков скелет — внешний, и при падении эта оболочка может разбиться. Красивое дикое существо могло лишиться жизни. И это была бы моя вина.

— Мне кажется, лучше положить ее обратно, — сказала я Сэму и передала паучиху ему, а он выпустил ее на бромелию, где она вернулась в свой шелковый домик.

В тот вечер, когда мы пришли после поиска и переписи паучьих нор, она все еще была там.

— Кажется, у нас появился домашний тарантул, — объявил Сэм. Он назвал ее Кларабель.

Такой красивой и элегантной леди это имя вполне подходило. Сэм объяснил нам, что тарантулы — «аккуратные маленькие домохозяйки», которые выстилают свои домики, будь то на деревьях или в земле, свежим сухим шелком.

— Они как настоящая Марта Стюарт!* — сказал Сэм.

Хотя пауков принято считать грязными, противными «паразитами», тарантулы чистоплотны, как кошки: они тщательно счищают с себя любую грязь, педантично расчесывая волоски на ногах и используя в качестве гребешка свои клыки.

Мы все больше привязывались к Кларабель. Утром и вечером мы проверяли, все ли с ней в порядке. Тарантулы хорошо вооружены на случай столкновения с врагами, но трагические случайности не исключены. Иногда ловкое млекопитающее — какая-нибудь особенно стойкая обезьяна или исключительно упрямая носуха — выдерживает поток раздражающих волосков и все-таки вытаскивает тарантула из норы и съедает. То же проделывают и некоторые птицы. Самки ос рода *Pepsis*, летающие насекомые размером с колибри, жалят тарантулов до паралича, а затем откладывают яйца в их плоть, чтобы личинки, когда вылупятся, могли полакомиться живым пауком. Днем я иногда беспокоилась о Кларабель и всегда испытывала облегчение, когда мы возвращались и находили ее целой и невредимой в горшке с бромелией.

Я гадала: узнает ли она нас?

— Пауки такие же личности, как и все остальные, — уверял нас Сэм.

* Марта Стюарт — американская телеведущая и писательница, получившая известность благодаря советам по домоводству. — Прим. пер.

У него с 13 лет дома жили тарантулы, а в его лаборатории в Огайо их было около 500. За годы общения с ними Сэм узнал, что в пределах одного вида некоторые особи бывают спокойными, некоторые — нервозными. Иные со временем меняли свое поведение и, казалось, успокаивались в его присутствии. Позже мы с Ником посетили его лабораторию. Один из студентов рассказал нам, что, когда в лаборатории появляется Сэм, происходит нечто необыкновенное: хотя многие из его тарантулов от природы слепы, стоит Сэму — и только Сэму — войти, все 500 тарантулов, сидящие в террариумах, неизменно поворачиваются в его сторону.

Шли дни, и Кларабель все спокойнее реагировала на то, что мы брали ее на руки. Конечно, так могло быть потому, что мы сами все больше привыкали к ней. Возможно, она невольно учила нас быть спокойнее и держать ее свободнее и увереннее. Нам, всем троим, нравилось так близко общаться с этим маленьким диким животным. Благодаря ей мы чувствовали себя в «Изумрудных джунглях» почти как дома.

Однажды Ник подбросил ей зеленого кузнечика и сфотографировал, как она ест. Большинство пауков, впрыснув добыче парализующий яд, перекачивают жидкость из желудка в жертву, чтобы разжижить пищу, а затем высасывают ее досуха и отбрасывают в сторону оболочку. Тарантулы поступают иначе. Кларабель измельчала еду с помощью зубов, растущих за ее клыками. И хотя мне

было жаль кузнечика — родственника всем нам знакомого сверчка, я была рада, что мы смогли что-то сделать для Кларабель. Потому что и ей предстояло сделать для нас кое-что важное: она должна была стать послом пауков в мире людей.

Утром нашего последнего дня во Французской Гвиане Сэм усадил Кларабель в пластиковую коробочку, чтобы взять ее с собой в нашу последнюю поездку в Трезор-Ресерв, а потом выпустить обратно в горшок с бромелией, где ее нашли. Но сначала она должна была встретиться с людьми — как и она, маленькими, но очень важными персонами.

Они ждали нас у начала тропы, ведущей в джунгли: девять ребятишек из местной школы в возрасте от шести до десяти лет пришли из соседней деревни Рура. Йоп представил им Сэма на французском:

— On voit aujourd’hui Dr. Marshall...

Но Сэму не терпелось показать им настоящего почетного гостя. Он достал из рюкзака пластиковый контейнер и осторожно снял с него крышку. Одна волосатая нога показалась над краем контейнера, затем другая и еще одна, и так Кларабель наконец спокойно взошла на ладонь Сэма.

— Qui veux la toucher? — спросил он детей.

(Кто хочет потрогать ее?)

Мгновение все молчали. Одна маленькая девочка еще раньше призналась, что боится пауков. Но потом

десятилетний парнишка в бейсболке поднял руку. Сэм показал ему, как надо держать ладонь, чтобы Кларабель ступила на нее. Она двигалась так грациозно и неторопливо, что вскоре к ней тянулись уже девять маленьких ладошек — даже той девочки, которая говорила, что боится.

В тот день Ник сделал много фотографий для нашей книги. Я до сих пор люблю смотреть на фото этих ручек: коричневых, розовых, аккуратно сложенных чашечкой, готовых почувствовать шаги существа, которого некоторые из них всего мгновение назад боялись. На одной фотографии три девочки прижимаются друг к другу, чтобы Кларабель могла пройтись по их коже. Их глаза внимательно и с благоговением смотрят вниз, на паука; на их лицах умиротворение и то чувство полноты, которое можно испытать, только когда держишь в руке маленькое, очаровательное животное. Теперь они увидели дикое существо, обитающее в их родных лесах, другими глазами. В тот день я услышала, как маленькая девочка с аккуратными косичками пробормотала себе под нос: «*Elle est belle, le monster*». Оно красивое, это чудище.

Подарив нам свое общество, Кларабель открыла мне мир пауков, о котором я раньше ничего не знала. Огромные размеры были лишь самым очевидным ее удивительным свойством. Как и все пауки, она обладала поразительными суперспособностями. Так как свой скелет она

носила снаружи, то могла сбрасывать его — и даже кутикулу, выстилающую рот, желудок и легкие, — по мере роста. Повредив лапку, Кларабель могла оторвать ее, съесть и вырастить новую. Из собственного тела она вытягивала шелковую нить и в ходе этого действия превращала жидкое вещество в твердое — мягче, чем хлопок, но прочнее, чем сталь.

У меня дома в Хэнкоке этих удивительных созданий было так много, что я не обращала на них внимания. В подвале у нас водились пауки-сенокосцы с вытянутыми телами: они висели вверх ногами и раскачивали свою паутину, если до них дотронуться. В поленнице мы часто находили пауков-скакунов, которые обладали превосходным зрением и, заметив нас, отпрыгивали в сторону. Наконец, пауки обитали в хлеву, и когда один из них ткал паутину в загоне Кристофера, это напоминало мне сцену из «Паутины Шарлотты». Конечно, я бы никогда не обидела паука. Орудя в доме пылесосом, я не трогала их паутину. Если паук обнаруживался там, где не положено, например в ванне или на моей подушке, мы с Говардом осторожно ловили его в стаканчик из-под йогурта и выносили наружу.

Но то ли потому, что они были такими маленькими, то ли потому, что они были такими привычными, или потому, что они были беспозвоночными, столь непохожими на птиц, млекопитающих и рептилий, которых я знала намного лучше, я никогда раньше не думала о пауках.

Теперь же благодаря Кларабель даже самые обычные уголки нашего дома превратились для меня в волшебный мир, где обитают крошечные создания, которые любят свою жизнь точно так же, как мы любим свою.

ГЛАВА 5

Рождественский горностай

Было рождественское утро, и настало время традиционного праздничного пиршества для наших кур. Пока Тэсс грызла в доме косточку, а Кристофер чавкал горячим пойлом в стойле, я понесла Дамочекам большую миску свежей горячей кукурузы, чтобы начать праздник. Но на этот раз меня ждал печальный сюрприз. Одна из моих Дамочек, любимая мною черно-белая курица старинной американской породы Доминик, лежала на полу мертвая, с головой, засунутой в дыру в углу курятника.

Я наклонилась и взяла курицу за чешуйчатые желтые ноги, чтобы поднять ее с пола. Но не смогла. Что-то или кто-то держал ее за голову и не отпускал. Я потянула сильнее и вырвала-таки ее. Мгновение спустя из дыры высынулась белая голова меньше грецкого ореха, с угольно-черными глазками, розовым носом... и пятнами алой крови на белом меху вокруг пасти. Это был горностай,

крошечный зверек из семейства куных, в своей зимней шубе. Он смотрел мне прямо в глаза.

Я никогда раньше не видела горностаев. Он был великолепен. Белее, чем снег, или облака, или морская пена, — такой белый, что, казалось, светился, словно ангельские одежды. Неудивительно, что короли отделяли свои мантии мехом горностая. Но еще более впечатляющим был его взгляд — настолько дерзкий и бесстрашный, что у меня перехватило дыхание. Это было существо длиной с мою руку, весом с горсть мелочи, но оно вышло из своей норы, чтобы бросить мне вызов, в то время как я угрожающе возвышалась над ним. «Что ты делаешь с моей курицей? — говорили мне эти угольные глаза. — Отдай!»

Естественно, я-то считала, что это моя курица. Я вырастила ее, как и всех ее сестер, совершенно ручной, из пушистого двухдневного цыпленка, все еще сохранявшего округлую форму яйца. Наши цыплята живут в моем рабочем кабинете, они весело сидят у меня на коленях и плечах, когда я пишу, или бегают друг за дружкой по полу, разбрасывая опилки и перышки. А иногда вносят свой вклад в мою прозу, пробегая по клавиатуре компьютера.

В результате такого воспитания все они очень ласковые. В конце концов я переселяю их из кабинета в курятник, и они начинают свободно гулять по двору, но бросаются к нам с Говардом всякий раз, когда мыходим наружу. Среди них мы чувствуем себя рок-звездами. Они садятся перед нами на корточки, и мы гладим их или берем на руки и целуем в гребешки.

При Кристофоре Хогвуде они всегда крутились вокруг него, когда он был на привязи, и иногда таскали у него еду. Тэсс ими не интересовалась: она была слишком

поглощена своим летающим диском, чтобы гоняться за курами. А они следовали за нами с Говардом, когда мы работали во дворе, постоянно переговариваясь своими певучими голосами: где ты? Черви есть? О, жук! Сюда! По вечерам я запирала их в курятнике, и они взлетали на свои насесты — у каждой было свое место, рядом с лучшими подругами, — а я гладила их, и довольное кудахтанье и трели звучали для меня как колыбельная.

Погибшая курица была из тех, что жили с нами дольше всех. Она помогала молодым курочкам осваивать нашу совместную с Кейт, Джейн и Лилой территорию, учila цыплят не бегать через дорогу и предупреждала их, когда замечала яструба. Она всегда с особым нетерпением ждала, когда ее погладят и накормят, и даже взлетала и усаживалась на складные стулья у обеденного стола, который мы ставили летом под большим серебристым кленом.

Ее тушка еще не остыла. Передо мной стоял ее убийца. По идее, меня должны были переполнять гнев и жажда мести. Тем более что мне были знакомы эти чувства. В мой первый день в детском саду я увидела, как маленький мальчик отрывает ножки пауку. Я укусила его, и, к ужасу родителей, меня с позором отправили домой. В колледже произошел еще один инцидент. Я узнала, что сосед моего бывшего бойфренда солгал о нем властям, и, разъяренная, решила высказать ему все, что о нем думаю. Но неожиданно столкнулась с этим соседом, когда поднималась по лестнице, чтобы найти его. К нашему обоюдному удивлению, я — худенькая, тонкокостная — схватила этого парня за воротник и приложила об стену. Я дрожала от ярости и была потрясена силой, которую она дала мне.

В молодости я боялась таких вспышек гнева, потому что думала, что это у меня в крови. Мой отец отличался

ОН БЫЛ ВЕЛИКОЛЕПЕН

БЕЛЕЕ,
ЧЕМ СНЕГ,
ИЛИ ОБЛАКА,
ИЛИ МОРСКАЯ ПЕНА

ТАКОЙ БЕЛЫЙ, ЧТО,
КАЗАЛОСЬ, СВЕТИЛСЯ,
СЛОВНО АНГЕЛЬСКИЕ
ОДЕЖДЫ

уравновешенностью, хотя подчиненные его так уважали, что, как я слышала, один из них как-то раз упал в обморок от благоговейного страха перед ним. Но у матери случались невообразимые приступы гнева. Однажды в старших классах я пригласила своего парня присоединиться ко мне на субботнем вечернем изучении Библии, которое проходило в нескольких кварталах от нашего дома. Он попросил родителей забрать его после того, как он проводит меня. В тот вечер родителей не было, и хотя мы с ним даже не заходили в дом, но, когда они вернулись, слегка подвыпившая мама начала в ярости орать на нас. Мне строго-настрого запрещалось приводить мальчиков, когда родителей не было дома. Я и не приводила. Тем не менее мать пригрозила отвезти меня в больницу, чтобы определить, не потеряла ли я девственность. Отец сумел отговорить ее от этой затеи, но мне надолго запретили видеться с тем мальчиком и посещать занятия по изучению Библии. (Только много лет спустя я поняла, почему мать так разозлилась. Под воздействием нескольких порций мартини она испугалась, что соседи могли увидеть, как ее дочь стоит с мальчиком возле дома, где явно никого нет, и решить, что мы «неправильная» семья.)

Гнев охватил мою мать, когда отец умирал от рака. Однажды днем, когда мы сидели по разные стороны отцовской кровати, при упоминании чего-то вполне здурядного, но связанного с деньгами, мать вдруг сжала свои тонкие наманикюренные пальцы в кулак и попыталась ударить меня в лицо. Я успела схватить ее за запястье, но она замахнулась с такой силой, что моя рука оставила синяк у нее на коже. Отец заставил меня извиниться перед ней.

Но к горностаю, который убил ту, кого я любила, я не испытывала ни малейшей злости.

Передо мной был один из самых мелких хищников в мире. Но вся свирепость диких охотников — львов, тигров, росомах — сконцентрировалась в этом существе, которое весит меньше 250 грамм. Быстрый, как молния, горностай может все: и подпрыгнуть в воздух, чтобы схватить птицу прямо на лету, и преследовать лемминга в норе. Он умеет плавать, лазить по деревьям и одним укусом в шею убивает животное, во много раз превосходящее его размерами, — чтобы потом утащить его тушу. Горностай ест от пяти до десяти раз в день. Чтобы выжить в неволе, ему требуется количество еды, составляющее от четверти до трети его веса, а в дикой природе — гораздо больше, особенно зимой, когда холодно. Сердца этих маленьких зверьков бьются со скоростью почти 400 ударов в минуту. Неудивительно, что они убивают все, что могут, при каждом удобном случае. Они великолепны в своей неукротимой свирепости.

И вдруг я поняла кое-что важное о своей матери. По-своему она была такой же свирепой, как этот горностай. Она была единственным ребенком в семье почтальона и ледовоза в маленьком городке в Арканзасе. Против нее оказалось многое: она была бедна, она жила в сельской местности и она была женщиной. И все же в те времена, когда девушкам было очень сложно получить образование и еще сложнее рассчитывать на интересную жизнь, она научилась летать на самолете, поступила в колледж, стала лучшей выпускницей курса, устроилась на работу в ФБР и вышла замуж за армейского офицера. Она выросла в доме, где цыплята копошились в грязи на земляном полу кухни. Иногда ей приходилось ради

пропитания охотиться на белок с дробовиком, который сохранился с тех времен и стоял в углу шкафа в спальне в каждом доме, где жила моя семья. Но благодаря силе воли и интеллекту она сумела изменить все: армия дала ей прислугу, которая убиралась в доме и подстригала лужайку; повара, который готовил на ее званых вечерах. В распоряжении ее мужа были служебная машина, яхта и самолет. Ребенком я всегда считала отца, героя войны, имевшего награды и выжившего в Батаанском марше смерти*, примером отваги и упорства, но пример матери помог мне вырасти с верой в то, что если кто-то другой сумел чего-то добиться, то этого обязательно добьюсь и я. Ее достижения были своего рода подвигом, как была им и смелость горностая, убившего мою курицу.

В начале того года мать умерла от рака поджелудочной железы. Когда она бесстрашно испустила последний вздох в больнице в Вирджинии, я была с ней рядом и держала ее за руку. С тех пор как врачи в Форт-Бельворе поставили ей смертельный диагноз, она ни разу не заплакала и не пожаловалась. И глядя в пронзительно-черные глаза горностая, я поняла, как я восхищалась своей матерью и как сильно я скучаю по ней.

Горностай смотрел на меня секунд тридцать, а затем снова скрылся в дыре. Мне очень хотелось побежать в дом

* Марш смерти военнопленных в 1942 году на Филиппинах после окончания битвы за Батаан. Впоследствии был расценен как военное преступление японцев. — Прим. пер.

и позвать Говарда, чтобы он тоже увидел зверька. Но будет ли крошечный хищник все еще там, когда я вернусь? Я положила курицу на то же место, где нашла ее, и понеслась за Говардом. Вместе мы вернулись в курятник. Я снова взялась за тушку. И снова горностай высунул голову из норы. Его черные глазки, сверкающие на белоснежной морде, бесстрашно уставились на нас.

Даже несмотря на трагичность произошедшего с курицей, мы были впечатлены не меньше, чем если бы в то рождественское утро нас посетил ангел. Когда ангел явился пастухам в Вифлееме, те «убоялись страхом великим». В детстве эта фраза всегда удивляла меня. В моей Библии с картинками ангелы выглядели как красивые дамы вочных рубашках и с крыльями, а на нашей рождественской елке они всегда играли на арфах или трубили в трубы. Способность летать, конечно, впечатляет, но ничто в этих ангелах не испугало бы меня, даже когда я была маленькой. Однако теперь, когда я более глубоко задумалась над этими словами Писания, мне стало ясно, что ангелы были похожи, скорее, на нашего рождественского горностая: великолепные и грозные в своей чистоте, силе, славе и совершенстве.

В нашем хлеву нам было явлено чудо, как когда-то пастухам, которые пришли на поклонение в другой хлев. Только наше рождественское благословение не спустилось с небес, а выбралось из норы в земле. С ослепительно белым мехом, бешеным пульсом и таким же бешеным аппетитом горностай был воплощением самой жизни. Как чиркнувшая спичка прогоняет тьму, так появление этого существа не оставило места для гнева в моем сердце, ибо оно трепетало в благоговейном страхе и было омыто елеем прощения.

ОНА БЫЛА
НЕ ТОЛЬКО ПОЛНА СИЛ,
НО И УТОНЧЕННА,
И ЭЛЕГАНТНА —
САМО ВОПЛОЩЕНИЕ
ГРАЦИОЗНОСТИ

ГЛАВА 6

ТЭСС

Большую часть нашей совместной жизни Тэсс постоянно отрывала нас от работы, чтобы подарить нам радость.

После утренней прогулки, во время которой мы кормили Кристофера и курочек, она могла около часа спокойно посидеть в моем или Говарда кабинете. А потом решала, что достаточно. И на коленях у работающего человека вдруг появлялся мяч или фрисби. Это означало, что пора идти на улицу играть.

Конечно, бывало, что непрошеное вторжение обславленной собачьей игрушки оказывалось некстати, например если в это время шла работа над важным эпизодом или в голове как раз возникла новая идея. Однако игра если и откладывалась, то недолго. Потому что по целому ряду причин для нас не было более увлекательного, жизнеутверждающего и важного занятия, чем поиграть с нашей веселой и активной бордер-колли.

Игра с Тэсс означала, что проявить внимание надо будет ко всем. Выходя во двор вместе с собакой, я или

Говард непременно должны были пообщаться и с другими животными. Кристофер, почуяв наше присутствие, начинал звать нас: «Ух. Ух! УХ!» Он требовал, чтобы мы его погладили, угостили зерном, яблочком или объедками либо выпустили погулять на привязи. Дамочки толпились вокруг нас, присаживаясь на корточки, чтобы их погладили, взяли на руки и поцеловали.

К счастью, если действовать быстро, можно было проделывать все это между бросками, потому что Тэсс любила, чтобы мяч или фрисби забрасывали ооочень далекооо. Говард мог отправить диск в полет на несколько десятков метров. У меня так не получалось. К тому же я не отличалась меткостью. И все же Тэсс ловила все, что мы бросали, независимо от того, кто и как это делал. Говард называл ее «настоящей Золотой перчаткой». Она никогда не выбирала себе фаворитов. Если мы гуляли вместе или с гостями, она всегда чередовала людей, принося игрушку сначала одному, потом другому. Я думаю, она так любила играть, что была уверена: мы тоже любим это не меньше, чем она, — и поэтому старалась по справедливости дать поиграть всем. Никто не должен был оставаться в стороне. И если, пока мы оба работали, Тэсс звала Говарда поиграть раньше, значит, часом позже она выбирала меня.

Стоило мне только увидеть, с каким воодушевлением наша молодая собака несется по полю и взлетает в воздух, чтобы поймать игрушку, и у меня сразу поднималось настроение, словно после первых нот гимна «Великая благодать». Она и сама соответствовала его первым словам. Она была не только полна сил, но и утонченна и элегантна — само воплощение грациозности. Учитывая

то, какие травмы Тэсс получила, попав под снегоуборочную машину, ее грация была настоящей благодатью. Как и то счастье, которое она обрела с нами — а мы с ней — после ее печального детства никем не любимого щенка.

Радость, которую дарила нам Тэсс, продолжалась и вечером. Последнее, что мы делали перед сном, — это проводили финальный раунд фрисби. Ее черно-белый силуэт был очень красив в лунном свете. Но, наверное, еще красивее Тэсс бывала в чернильно-черные безлунные ночи, когда я не могла ее видеть.

На нашей проселочной дороге нет фонарей, и в иные ночи бывает темно, как в пещере. Но Тэсс, в отличие от нас, людей, прекрасно видела в темноте.

Глаза собак, как и кошек, имеют светоотражающую поверхность — тапетум. Именно поэтому они сверкают, например, в свете автомобильных фар. В такие темные ночи я следовала за Тэсс в черноту, прислушиваясь к звону же-тонов на ее ошейнике. А она вела меня вниз по пологому склону заднего двора, туда, где лужайка выходила к краю поля. Там я шептала ей: «Тэсс, вперед!»

И, выждав несколько секунд, бросала диск в темноту. Куда он улетал, я понятия не имела. Но секунду или две спустя слышался щелчок зубов о пластик — это означало, что Тэсс подпрыгнула и поймала фрисби.

Я присаживалась на корточки и протягивала вперед руки. Она всегда клала фрисби прямо мне в ладони, иначе мне пришлось бы тратить драгоценное время игры на поиски диска на земле.

Она быстро научилась предугадывать почти каждое наше движение. Знала, когда мы идем в верхний сарай, а когда в нижний, когда к машине, а когда к дому.

В доме ей, казалось, заранее было известно, кто в какую комнату собирается направиться. А когда мы с Говардом шли в дальние походы — иногда нам приходило в голову устроить себе выходной, и тогда мы брали ее с собой на прогулку в Белые горы, — она то бежала вперед, чтобы догнать моего длинноногого мужа, то возвращалась ко мне. Нередко она находила меня как раз перед развилкой, где без нее я точно пошла бы не той дорогой. А после этого опять бежала к Говарду и снова ко мне, чтобы проверить, как там я. Говард однажды сказал, что она идет по одной тропе с нами, но проделывает тот же путь четыре или пять раз, прежде чем мы доходим до конца. Выведенные как пастушки собаки, бордер-колли славятся умом. И Тэсс всегда пыталась выяснить, что мы собираемся делать дальше и чем она может помочь.

Однако при всем своем уме Тэсс не могла понять моей слепоты в темноте. Как я могу не видеть того, что так ясно видит она? Тем не менее она всегда готова была прийти мне на помощь в этой моей непостижимой беспомощности. Она терпеливо приносила игрушку прямо мне в руки. И когда я решала, что нам пора возвращаться, стоило мне тихо сказать: «Тэсс, пойдем!» — она подбегала ко мне и, позвякивая своими жетонами, вела меня к дому.

Тэсс постоянно удивляла меня своим умом, силой и ловкостью, но особенно очевидно для меня становилось, как много она дает мне, именно в такие темные ночи. В отличие от большинства людей, благодаря Тэсс я могла передвигаться и даже играть в кромешной тьме. Когда я была с ней, она словно одалживала мне свои собачьи суперспособности, которыми я не обладала,

но о которых мечтала с тех пор, как впервые обнаружила их в Молли.

Однако в конце концов все изменилось и глубоко изменило меня.

Однажды июньским утром, когда мы проснулись, Тэсс спрыгнула с кровати на пол и вдруг упала.

Сначала я подумала, что это артрит. Тэсс было уже 14 лет, и, учитывая ее возраст и травмы, полученные еще до встречи с нами, неудивительно, что она иногда оступалась. Наш замечательный ветеринар Чак Девинн уже лечил Кристофера, тогда 12-летнего, от возрастных заболеваний суставов, и каждое утро я начиняла его утренний кекс тремя таблетками.

Но когда я заглянула Тэсс в глаза, стало ясно, что она не просто оступилась. У нее был микроинсульт.

Она быстро поправилась, однако ее болезнь стала для нас тревожным звоночком. Нам с Говардом было за сорок, но животные, с которыми мы провели наши самые активные молодые годы, старели, опережая нас. Наши совместные дни были сочтены.

Конечно, мы всегда знали, что так будет. Для меня это одно из самых печальных обстоятельств жизни на Земле — то, что большинство животных, которых мы любим, за исключением некоторых видов попугаев и черепах, умирают гораздо раньше нас. Отправляясь в далекие путешествия, туда, где полным-полно ядовитых змей, плотоядных хищников и заложенных мин, я частенько шутила с друзьями,

что просто пытаюсь опередить Криса и Тэсс. Я никогда не боялась смерти. Смерть была просто еще одним новым местом, куда можно отправиться. В конце концов, мы все там будем. Я верила, что если небеса существуют, то, попав туда, я воссоединюсь со всеми животными, которых любила. Но я очень боялась остаться без Криса и Тэсс, когда они уйдут.

К счастью, они оба, казалось, неплохо себя чувствовали для своего возраста. Жизнелюбие Криса — его тяга к нежностям, хорошей компании и шоколадным пончикам — не ослабевало. У него по-прежнему было много фанатов, которые устраивали ему свинячье спа. А Тэсс, как и прежде, очаровывала всех, прыгая за летающим диском и носясь за мячом, высунув язык, пока мы не останавливали ее.

Но однажды, отвлекшись на какой-то запах, Тэсс уронила диск в траву. Говард попросил ее принести фрисби, однако она не отреагировала. Она оглохла. Вероятно, это произошло уже несколько недель или месяцев назад, а мы ничего не замечали, потому что ее чуткость и интеллект отлично компенсировали отсутствие слуха.

Затем последовала борьба с собачьим периферическим вестибулярным синдромом. По внешним признакам это похоже на инсульт, но больной при этом испытывает совсем другие ощущения. Мир Тэсс стал неудержимо вращаться. Одолеваемая головокружением и тошнотой, она неделями не могла встать.

Удивительно, но из этого она выкарабкалась. Все-таки Тэсс была бойцом. Она снова наслаждалась прогулками, но ходила теперь, всегда склонив голову. А ее блестящие карие глаза затуманились. Оглохнув и ослепнув, она больше не могла играть во фрисби. Мяч тоже

не вызывал у нее интереса. У меня ныло сердце — и поначалу я думала, что оно болит за нее. Я представляла, как она скучает по нашим прогулкам и играм, когда она могла носиться по полю, ловя мяч или диск.

Но я ошибалась. Это было моей болью. Это я тосковала по тем дням, когда она была молодой и сильной, по магии ее дара слышать то, чего не слышу я, и видеть в темноте. Я скучала по нашим прогулкам, в которых проявлялись все ее сверхспособности. Мне было грустно, а Тэсс — нет.

Стоило только взглянуть на нее, чтобы понять, что она счастлива. Она виляла хвостом. Ее улыбка, ее уши, ее настрой — все говорило о том, что она вполне довольна. Тэсс больше не хотелось ни бегать, ни прыгать. Но ее жизнь по-прежнему была насыщенной и интересной, наполненной запахами, вкусными угощениями и общением с теми, кого она любила. Она смирилась с тем, что теперь по какой-то причине мир стал темным и тихим. Но ее это не беспокоило. Очевидно, она понимала, что мы, люди, можем каким-то образом управлять для нее этим черным беззвучным миром.

Тэсс по-прежнему любила гулять, даже ночью. Раньше мне нравилось, что она убегала так далеко от меня, чтобы поймать игрушку; теперь я радовалась, что мы держимся так близко друг к другу. Сначала Тэсс могла ориентироваться на тепло моего тела и запах. Потом мы сталиходить, все время соприкасаясь. И для меня было честью после стольких лет, проведенных вместе, что она так доверчиво и не испытывая сомнений полагалась на меня, как когда-то полагалась на нее я, чтобы перемещаться во тьме. Никогда еще никто не полагался на меня настолько безгранично. Никогда еще никто не любил меня

так сильно. И никогда прежде я не испытывала такой глубокой благодарности за это.

В ее преклонные годы Тэсс по-прежнему вызывала во мне желание петь. Ее грация и красота стали еще более удивительными. И дело было не в ловкости и красоте движений, а в той благодати, которая заключалась в ней. Той благодати, к которой мы взываем, когда нуждаемся в силе или сострадании, превосходящем человеческое. Благодать, как говорят богословы, — это божественная способность возрождать и освящать, вдохновлять и укреплять: «Был мертв и чудом стал живой, Был слеп и вижу свет...»

Тэсс не утратила своих сверхспособностей. Она просто принесла и вручила их мне, как фрисби в темноте. До конца дней, которые нам суждено было провести вместе, я смиренно наслаждалась честью делать для нее то, что прежде она делала для меня. Теперь я была тем, кто вел ее сквозь тьму.

Моя собака и моя свинья старели, а я любила их все сильнее. Не было такой тьмы, в которой мы не могли бы найти дорогу вместе. Но что будет, когда Крис и Тэсс уйдут?

ГЛАВА 7

Крис и Тэсс II

После того как Крис и вскоре после него Тэсс ушли, единственная мысль, которая помогала мне держаться, — что я могу покончить с собой.

Шестнадцатилетняя Тесс была уже очень слаба, когда однажды утром в начале лета мы обнаружили, что Кристофер умер во сне в своем хлеву. Я была потрясена. Это произошло слишком внезапно. В свои четырнадцать Крис страдал от артрита, но в остальном все было в порядке. И поскольку у него не наблюдалось никаких симптомов угасания, а мы понятия не имели, как долго могут жить свиньи, я надеялась, что он переживет Тэсс и поможет мне справиться с ее уходом. Но этого не случилось.

В последние дни Тэсс я ежедневно делала ей капельницы с раствором Рингера, чтобы поддержать ее отказывающие почки. По ночам она иногда просыпалась со стоном, от боли или ночного кошмара — я не знала, от чего. Но я понимала, что это только вопрос времени, когда

боли в ее жизни станет больше, чем радости. Такой момент наступил осенью. Солнечным сентябрьским днем наш ветеринар приехал к нам. Мы с Говардом держали Тэсс на руках под нашим серебристым кленом, а он сделал ей укол, который положил конец ее яркой и щедрой жизни.

Как же мне хотелось пойти вместе с ней! Утрата Кристофера уже была тяжелым ударом. Без него хлев, хотя там и продолжали жить наши курочки, казался пустым. Один вид нашего двора повергал меня в пучину горя. После ухода Криса я жила ради Тэсс. Я знала, что она умирает, и я думаю, она тоже это понимала. Но мы были вместе, и в эти короткие месяцы нам обеим этого было достаточно.

Когда ее не стало, со мной по-прежнему были мои дорогие курочки, мой любимый муж, наш чудесный дом, заботливые друзья и придающая моей жизни смысл работа. Но все эти благословенные дары, которые прежде привносили радость в каждый мой день, теперь утратили для меня смысл. Стояла ранняя осень, мое любимое время года, и воздух был напоен запахом спелых яблок. Но мне не хотелось драгоценных плодов нашей столетней красно-коричневой «роксберри». Мне не хотелось собирать последнюю летнюю голубику. Я не ждала ни осенних красок, ни пушистого снега. Мне не хотелось ни есть, ни спать, ни музыки, ни компании, ни Рождества, ни Пасхи, ни следующего года — ничего. Я ненавидела себя за эту неблагодарность.

Проходили недели, месяцы. Но мое отчаяние оставалось со мной. У меня стали выпадать волосы. А хуже всего было то, что мой мозг отказывался работать. Разговаривая с людьми, я подыскивала в уме слово, но произносила

что-то совсем другое. Однажды в гостях у друзей я хотела пошутить по поводу нашего 80-летнего знакомого, который начал встречаться с 60-летней женщиной. Я хотела сказать, что он «покушается на младенца», но, к своему ужасу, выдала: «Он покушается на могилу»!

Я понимала, что это депрессия, причем серьезная. И, конечно, я пыталась справиться с ней. Я заставляла себя есть и пить. Я принимала витамины. Как и раньше, я трижды в неделю занималась в спортивном клубе. Каждый день гуляла, чтобы находиться на солнце. Наконец, пытаясь взбодрить свой мозг, я начала ставить в машине кассеты с курсом изучения итальянского языка. Но ничего не помогало.

И впервые за многие десятилетия я не могла уйти в работу. После смерти Кристофера я решила написать воспоминания о нашей жизни с ним. Поэтому каждый день мне приходилось в мельчайших подробностях рассказывать о 14 годах нежности и радости, которые приносили мне Кристофер, Тэсс и друзья, собравшиеся вокруг них, чтобы стать семьей, — о нежности и радости, которые теперь были утрачены навсегда. Даже соседские девочки переехали. Поэтому работа над книгой не приносila утешения. Она давалась мне с мучительным трудом.

Каждый день я отчаянно трудилась над рукописью. Но что потом? Криса и Тэсс все равно уже не будет со мной. Неужели я обречена испытывать это опустошение до конца дней?

И тут мне пришла мысль: я не могу этого вынести.

Я вспомнила о «Валиуме», который остался после болезни матери. Когда она умерла, я забрала его с собой, намереваясь благополучно избавиться от него. Но так этого и не сделала.

В итоге я заключила сама с собой сделку. Если к тому времени, когда я закончу рукопись, мне не станет лучше, я прекращу свои мучения одним уколом — как прекращают мучения животных ветеринары. Я сделаю себе инъекцию большой дозы «Валиума». Тогда я еще не знала, что это не сработает. Передозировка «Валиума» не убила бы меня, я просто проспала бы дольше обычного. Больше того, из-за депрессии я не понимала, каким страшным ударом стало бы мое самоубийство для близких. Я добилась бы только того, что моя боль перешла бы к тем, кого я любила, — а это было последнее, чего я хотела.

Но это решение принесло мне некоторое успокоение. Отныне я знала, что мне не придется страдать вечно, и поэтому могла продолжать бороться, пока не закончу то, что должна была сделать. По крайней мере, теперь я видела свет в конце тоннеля. Либо мне станет лучше, и я смогу жить дальше, либо нет, и тогда я покончу с этим.

Кроме книги о Кристофере у меня было еще одно обязательство, не выполнив которое я не могла принять окончательное решение. Я подписала контракт на небольшую книжку для юных читателей о работе доктора Лайзы Дэбек, выдающейся исследовательницы, которая тогда только начала отслеживать по радиомаячкам древесных кенгуру, обитающих в Папуа — Новой Гвинее. Мы познакомились на обсуждении моей книги о розовых дельфинах Амазонки, и для меня было делом чести рассказать о ее важной работе в этой книге. Поездка в те места, где она проводила свои исследования, была запланирована

на март — в Нью-Гэмпшире в это время хуже всего: снег тает, превращаясь в грязь, и все выглядит серым и унылым. Возможно, это будет последняя экспедиция в моей жизни, думала я.

Первые три часа пути к нашему лагерю будут самыми трудными, пообещала Лайза. Значит, после этого станет легче, твердила я себе. Мое сердце колотилось в груди, как впавший в исступление барабанщик бонго. Каждый шаг вверх по крутым склонам через тропический лес давался с трудом. Я шла, задыхаясь, опираясь на палку. Восьмилетний мальчик из деревни нес мой рюкзак, потому что сама я была не в силах. Одна из местных женщин, тоже работавшая носильщицей, протянула мне покрытую коростой руку, чтобы помочь. У нее явно было кожное заболевание. Я с благодарностью взяла ее за руку. Пот, боль в мышцах, заразные болезни — все это не имело значения. Так же как и прикосновения жгучих листьев или укусы пиявок, которые прыгали с деревьев и могли попасть прямо в глаз. Все, что имело значение, — это ставить одну ногу перед другой, пока не пройдут первые три часа. И тогда мы сможем сесть и отдохнуть.

А потом будет еще шесть часов пути — в этот день.

Полевой лагерь Лайзы находился в горах на высоте 3000 метров на полуострове Хуон в Папуа — Новой Гвинеи, и, насколько ей было известно, никто из белых людей, кроме ее исследовательских групп, в тех местах

никогда не бывал. Нам — восьми исследователям плюс 44 мужчинам, женщинам и детям из деревни Яван, несущим снаряжение и провизию, — требовалось в напряженном темпе идти три дня, чтобы добраться туда.

Измученная, я уселась вместе со всеми остальными на вершине холма. Именно здесь, ободряюще сказала мне Лайза, участника прошлой экспедиции, 30-летнего культуриста, вырвало, и он признался, что не может идти дальше. (Однако он все-таки пошел.) Наконец-то я могла посмотреть на что-то, кроме своих ног, скользящих по грязи. Оглядевшись, я увидела неописуемую красоту. Далеко внизу виднелись деревушки Яван и Таут с покрытыми дерном крышами и аккуратными огорожками и цветниками. Нас окружали массивные деревья, увешанные мхом, словно бархатными шторами. В зелень вкраплялись красные и желтые цветы дикорастущих рододендронов и имбиря. Рыжеватые молодые листья древовидного папоротника были свернуты в «кочаны» размером больше капусты и напоминали о заре мира. В воздухе раздавались крики попугаев. Два члена нашей команды — ветеринар из Сиэтла и служитель зоопарка из Миннеаполиса — запели. Наши папуасские друзья присоединились к ним. Все, казалось, хорошо проводили время. Одна я была полностью сосредоточена на том, чтобы дойти до цели. Ведь, если бы я упала замертво, меня это вполне устроило бы, но уж очень не хотелось портить жизнь всем остальным.

Шесть часов спустя, пока все спешно разбивали палатки под дождем, я углубилась в безлюдный лес, чтобы меня вырвало. Это оказалось не очень хорошей идеей.

В тропическом лесу человек может заблудиться в считанные секунды. Сильный дождь мгновенно смыв все следы и заглушил зовущие голоса. И сама я не звала на помощь. От горной болезни и переохлаждения рассудок мой помутился. Мой друг Ник, фотограф, нашел меня с уже посиневшими губами и пальцами. Я была в полубессознательном состоянии, и так он и отвел меня в палатку.

Лайза и ветеринар быстро сняли с меня мокрую одежду, уложили в спальный мешок и дали горячего питья.

— Что-нибудь еще хочешь? — ласково спросила Лайза.

К этому времени я снова начала соображать.

— Да, — сказала я, — если кто-нибудь найдет мой рюкзак...

То, чего я хотела, лежало у меня в косметичке. Вместе с серебряным обручальным кольцом я хранила там еще одно сокровище, положив их туда, чтобы они не соскользнули и не потерялись во время перехода. Это был полый серебряный браслет, который подруга подарила мне после смерти Тэсс. В нем было немного пепла моей собаки.

Наутро, после очередного изнурительного перехода, мы разбили лагерь в месте под названием Васаунон, которому предстояло стать нашим домом на следующие две недели.

Задачей нашей команды было отыскивать находящихся под угрозой исчезновения древесных кенгуру Матши, надевать на них ошейники с радиомаячками и отпускать обратно на волю. Это важная работа: установление ареала обитания кенгуру необходимо для разработки плана защиты тропического леса и его обитателей.

Древние высокие деревья, окружавшие лагерь, охраняли нас, как добрые волшебники с бородами из мха. Мх был усеян папоротниками. Папоротники были усеяны лишайниками, грибами и орхидеями. Но мх нравился мне больше всего. Мир был окутан им, словно бархатом, словно облака в этих высоких горах застыли в зелени и ожили. Джон Рёскин, живший в XIX веке британский теоретик искусства, называл мх — древнее низкорослое мягкое растение — «первой благодатью Земли». Здесь благодать окружала меня повсюду: она покрывала стволы деревьев, лианы, землю, смягчая тяжелые шаги и падение.

Мх рыжеватыми клочьями свисал с ветвей. Он был точно такого же цвета, как древесные кенгуру.

— Годами это было все, что нам удавалось увидеть, — сказала мне Лайза.

Наверняка эти неуловимые зверьки и сейчас сидели там, наверху, на мягких подушках из мха. Древесные кенгуру Матши, вид, который изучает Лайза, почти целиком покрыты коричневато-рыжим мехом, и только животы у них лимонно-желтые. Еще у них влажные розовые носы, длинные пушистые хвосты, а размером они с крупную кошку. Сам Доктор Сьюз* не смог бы придумать более

* Доктор Сьюз — Теодор Сьюз Гайсел (1904–1991) — американский детский писатель, иллюстратор и мультипликатор. — Прим. пер.

очаровательное существо. Они — как мягкая игрушка, которую сразу хочется обнять. И наша работа среди папоротников и орхидей, тумана и мха заключалась в том, чтобы находить, метить радиомаячками и потом следить за животными, которые выглядели так, будто сошли со страниц детской книги сказок.

«Примерно в 11 — удивительное событие, — записала я в своем полевом дневнике. — Следопыты вернулись с проехидной! Эндемик Новой Гвинеи, это еще один оживший персонаж Доктора Сьюза — толстенький, пушистый, на подушковидном теле всего несколько шипов; у него прелестные крошечные черные глазки, задние ноги выглядят так, будто их вставили задом наперед, а трубчатая морда такая длинная, что он буквально спотыкается о нее, когда двигается».

Наш гость, похоже, ничуть не испугался, когда его поймали, и сразу же после того, как его выпустили из мешка следопыта, начал исследовать все вокруг, а потом попытался с помощью своих сильных передних лап продырявить стену нашей полевой кухни, сделанную из связанных вместе стволов молодых деревьев. Он погрузил свой нос в землю, словно это была вода, а потом просочился сквозь стену — легко, как дым. Когда я осторожно коснулась его спины, он не отпрянул. Оказалось, что его угольно-черный мех удивительно мягок, хотя несколько шипов цвета слоновой кости были довольно острыми. Возможно, именно это придавало ему

уверенности. Тем не менее мы не хотели злоупотреблять его обществом. И хотя за ним можно было бы с восхищением наблюдать целую вечность, пофотографировав и поснимав его на видео минут десять, мы вернули его в мешок из-под кофе, в котором он был доставлен домой.

«Не прошло и нескольких минут после визита проехидны, как другая команда следопытов принесла нам кускуса! — продолжает мой полевой дневник. — Это пухлое плюшевое создание с огромными карими глазами, шерстью темно-коричневой, если не считать белоснежного животика, розовых лапок и розового голого кончика цепкого хвоста».

На каждом шагу мы встречали следы пребывания редких, удивительных животных с невероятными телами, фантастическими способностями и восхитительными названиями. Ехидны — один из двух видов яйцекладущих млекопитающих на Земле (другой — утконос). Кускусы — самые крупные опоссумы в мире, весом до шести килограммов, ведущие ночной образ жизни. Других животных мы не видели, но находили их гнезда, запасы и норы. Так, один раз мы наткнулись на холмик из растительных остатков, где птица большеног размером с курицу выкопала гнездо, в котором могла бы уместиться малолитражка, и использовала тепло, выделяемое компостом, для высиживания яиц. (Да, самец ухаживает за ними, по мере необходимости регулируя температуру за счет того, что роет охлаждающие вентиляционные отверстия.) На лужайках возле лагеря мы обнаружили норы, выкопанные филандерами — похожими на кенгуру пушистыми зверьками с тревожно поворачивающимися в разные стороны ушками и коротенькими толстенькими хвостами. А следопыты сообщили,

что видели возле лагеря *Dorcopsis* — крошечных кенгуру с мордочками как у газели.

Этот мир дождевого леса был полон жизни, как нигде. В отличие от тропических лесов Амазонии и других, где мне доводилось бывать, здесь не водилось ни москитов (для них тут слишком холодно), ни кусачих муравьев, ни ядовитых змей, ни пауков или скорпионов. Хотя Ва-саунон был полон обитателей, все они казались не только не опасными, но даже доброжелательными.

Каждый день приносил новый, восхитительный сюрприз: земляника у тропинки, микроорхидеи размером меньше булавочной головки, падающие звезды по вечерам. И люди вокруг меня были замечательными: из Северо-Американских Штатов, Новой Зеландии, Австралии и Папуа — Новой Гвинеи. Трое из нас дружили и до поездки, но к концу первой недели друзьями стали все. Следопытов и ученых, местных жителей и иностранцев, будь то служитель зоопарка, художник или исследователь, — всех нас объединяла непростая задача изучения этого девственного тропического леса ради того, чтобы защитить и сохранить его.

Жизнь в лагере не всегда была легкой. Корни деревьев так и норовили попасться под ноги. Одежда не высыхала. По утрам и вечерам изо рта вырывались облачка пара. Свернувшись калачиком в спальном мешке, я спала в одеяле, но все равно к утру замерзала. Зато наша работа была важной, отношения друг с другом — теплыми, а все, что окружало нас, — поистине волшебным.

Однажды рано утром мы почувствовали, что земля дрожит. Это было землетрясение, которое не причинило нам никакого вреда. На самом деле эта дрожь подействовала на меня даже жизнеутверждающе. «Земля кажется здесь

только что рожденной, — написала я в своем полевом дневнике. — Неудивительно, что мы иногда чувствуем, как бьется ее расплавленное лавовое сердце».

Первого апреля, едва проснувшись, Лайза сказала мне, что сегодня, она чувствует, будет удачный день. Мы обе старались вставать пораньше, чтобы посмотреть, как следопыты отправляются на поиски древесных кенгуру. На меня произвело большое впечатление то, с какой добродой эти люди относились не только к жителям Запада (за головами которых некогда охотились племена Новой Гвинеи), но и к животным, чьи шкуры украшали их паранды одежды и чье мясо они ели меньше поколения назад.

Лайза стирала белье, а я мыла посуду в ручье, когда в 8:35 мы получили сообщение: «Древесные кенгуру! Двое!» Мы подумали, что это должны быть мать и детеныш, и побежали за следопытом, который сказал нам на ток-писине, креольском языке, самом распространенному в Новой Гвинее, что они оба сидят на дереве недалеку. Может показаться, что снять животных с деревьев нереально, но следопыты точно знают, как это сделать. Сначала надо построить вокруг дерева небольшую ограду. Затем один следопыт взбирается на соседнее дерево, и кенгуру спрыгивает со своей ветки на землю, где другие следопыты хватают его за сильный хвост и быстро запихивают в мешок из-под кофе.

Когда мы вернулись в лагерь, выяснилось, что «малыш» — на самом деле взрослый самец. Следопыты

Здесь,
в дождевом лесу, я нашла
и вновь обрела эту дикую
природу, которая исцеляет
разум и душу, —
этую неистовую и дивную
жажду жизни

застукали двух древесных кенгуру во время романтического свидания! Впервые Лайзе удастся надеть радиоошейник на взрослого самца.

— Это просто чудо! — воскликнула она.

— Первый в мире самец Матши с радиоошейником! — сказал ее новогвинейский студент. — Исторический момент!

Ветеринар дал древесным кенгуру легкий наркоз, чтобы можно было осмотреть их, не пугая еще больше, и надеть на них ошейники. Первой была самка цвета тропической орхидеи, с длинным золотистым хвостом и темной полосой на спине. Ее блестящие изогнутые когти, идеально подходящие для лазания по деревьям, были охряного цвета. Я не удержалась и погладила ее мех, как когда-то гладила шерсть Тэсс. Он был мягкий, как облачко.

Пока кенгуру, уже в ошейниках, ждали утра в большом травяном загоне, мы все думали, как их назвать. Но Лайза уже решила: Кристофер и Тэсс.

Мы шли к тому месту, где должны были выпустить их, и мои ботинки успели потяжелеть на несколько килограммов от грязи. У меня в голове, в ритме каждого шага, звенели и прыгали имена: Тэсс, Крис, Тэсс, Крис. Сколько раз за те 14 лет, что я провела со своей свиньей и собакой, мне довелось произнести эти драгоценные слова? С момента их смерти один лишь звук этих имен, как стрела, поражал меня в самое сердце. Но теперь все

было по-другому. Тэсс. Крис. Тэсс. Крис. Повторение их имен стало песнопением, мантрой, молитвой — призывом с благодарностью вспоминать своих любимых, который как нельзя лучше настраивал на предстоящий торжественный момент.

Конечно, эти прекрасные дикие звери не были моим Крисом и моей Тэсс. Не были они и теми, в кого все-лились души моих любимых животных. Это были совершенно другие создания со своей собственной жизнью. Но для меня они также были воплощением дикой природы. Эти два животных заключали в себе дикое сердце, которое бьется внутри всех существ, — ту дикую природу, которую мы чтим в нашем дыхании и нашей крови, ту, которая держит нас на этой вращающейся планете. Здесь, в дождовом лесу, я нашла и вновь обрела эту дикую природу, которая исцеляет разум и душу, — эту неистовую и дивную жажду жизни.

День, когда мы выпустили на волю Кристофера и Тэсс, принес освобождение и мне.

ГЛАВА 8

Салли

Открытка стояла на моем письменном столе как напоминание. На ней была строка из стихотворения английской поэтессы Эдит Ситуэлл: «Любовь не проходит со смертью, ничто не утрачивается, и в итоге все приносит плоды». Мои друзья уверяли меня, что Кристофер и Тэсс все еще со мной. Гретхен Фогель, подарившая нам на новоселье первую стайку кур, обладает способностями медиума, и она сказала мне, что видит Криса и Тэсс, когда приходит к нам в гости. Дух нашего 340-килограммового хряка оказался даже крупнее, чем его бренное тело. «Он плывет за мной, как дирижабль», — рассказывала Гретхен. И она совершенно отчетливо видела Тэсс, сидевшую рядом со мной на кухне на черно-белых квадратах линолеума.

Но почему же я их не видела?

У меня никогда не случалось никаких видений, вещих снов или контактов с духами. К моему разочарованию, мне не был ниспослан и дар «говорения на иных языках», о котором говорилось в Библии. Я верю в бессмертие

души. Однако мне ни разу не удавалось почувствовать присутствие близких, которые уже покинули этот мир. Я только скучала по ним. Однажды я рассказала об этом другу, с которым познакомилась в Амазонии, мастеру восточных единоборств и бывшему морпеху США.

— На самом деле ты их чувствуешь, — мягко сказал он. — То, что ты чувствуешь, когда скучаешь по ним, — это не их отсутствие. Это их присутствие.

Его мудрые слова утишили меня. Но я не могла не ждать какого-то знака, ощущения, взаимодействия.

И однажды январской ночью, — уже после того, как я вернулась из Папуа — Новой Гвинеи, написала мемуары о жизни с Кристофером Хогвудом, закончила книгу о древесных кенгуру и съездила в очередную экспедицию на Амазонку, а потом еще в Италию, — через полтора года после своей смерти, Тэсс явилась ко мне во сне и показала обещание радости, ждущей впереди.

Мне часто снятся животные, и обычно это радостные сны. Но тот был другим. Начало его было драматическим. Друг подарил нам щенка бордер-колли. Что может быть лучше? Но меня мучила тревога. Во сне щенок был размером с новорожденную мышь, и я боялась, что он умрет. Я не знала, что сделать, чтобы он выжил, и чувствовала себя совершенно беспомощной.

Потом кто-то подошел к двери. Я не слышала стука, но знала, что за дверью кто-то есть. Я открыла, и там стояла Тэсс.

О, какое счастье снова увидеть ее! Однако даже во сне я знала, что Тэсс умерла. Что это дух Тэсс и что она пришла, чтобы помочь мне. Я побежала за Говардом и привела его к двери. Но Тэсс уже исчезла. На ее месте стояла другая бордер-колли.

Как и у Тэсс, у этой собаки была белая полоса на носу, белые ноги и белый кончик хвоста. Но шерсть у нее была еще роскошнее, чем у Тэсс. Ее уши стояли торчком, не сгинаясь на концах. И ей не хватало белого воротника Тэсс. Она смотрела на нас выжидавшие своими блестящими карими глазами.

И я поняла, что это Тэсс послала ее нам. Проснувшись, я сразу начала искать ее.

Мы с Говардом оба, не сговариваясь, заходили на сайт центра помощи бордер-колли. Этот центр расположен в сельской местности к северу от Нью-Йорка и является крупнейшим в регионе, если не во всей стране, среди тех, что занимаются этой породой. На сайте посетителей ждут фотографии и подробные истории десятков чистокровных бордер-колли и близких метисов, которых можно оттуда взять. Словом, «Глен Хайленд Фарм» явно был первым местом, с которого стоило начать поиски собаки, показанной мне Тэсс. Я чувствовала, что это должна быть девочка. Но узнаю ли я ее?

Взять собаку из центра не так-то просто. Жизнь его питомцев прекрасно налажена: они свободно носятся по обширной огороженной территории с лужайками,

прудами и участком леса, ночами спят в теплом помещении на уютных лежаках, у них много игрушек, и к их услугам многочисленные волонтеры и другие собаки, с которыми можно поиграть. Неудивительно, что питомцев оттуда отдают только тем, кто может создать им еще лучшие условия. Чтобы получить право взять собаку из центра, нам пришлось заполнить длинную анкету, приложить к ней фотографии нашего дома и двора, а также письма от ветеринара и от соседа с подтверждением того, что нам можно доверить бордер-колли. Наконец после подачи документов была определена дата, когда мы могли посетить центр. К этому времени уже наступил февраль. Мы ждали звонка с подтверждением времени визита.

Позвонили нам слишком поздно, и мы не успевали приехать: добираться до центра нужно было целый день и при этом где-то останавливаться на ночлег. Разочарованные, мы решили поехать через несколько недель, в марте. На этот раз мы заранее договорились заночевать у родителей Говарда в их доме на Лонг-Айленде. Когда перед отъездом я укладывала в машину старый поводок Тэсс, ее миски и подстилку, мое сердце бешено колотилось. Мы с Говардом отсмотрели на сайте столько разных собак. Какая из них наша? Узнает ли она нас? Узнаем ли мы ее? Что, если я ошибусь в выборе и подведу свою отважную верную Тэсс, которая пришла ко мне из мира мертвых, чтобы показать ту, кого надо?

Накануне отъезда с Лонг-Айленда мы вернулись с ужина и обнаружили на автоответчике сообщение: многие собаки в центре заболели, наш визит снова отменяется.

В «Глен Хайленд Фарм» было много прекрасных бордер-колли, однако нашу явно надо было искать не там.

Но где?

Дома я облазила сайты всех других подобных центров. Союз спасения животных Нью-Гэмпшира. Сайт поиска пропавших животных. Общества защиты животных Нью-Гэмпшира, Массачусетса, Коннектикута, Род-Айленда и Мэна. Центр помощи бордер-колли Новой Англии. Почему-то как раз в тот момент на всех сайтах предлагалось очень мало бордер-колли, и среди них совсем не было молодых сук. Я была близка к отчаянию. Уже наступил апрель, прошло три месяца с тех пор, как Тэсс явилась ко мне во сне. И я все больше опасалась, что все-таки подведу ее, — а тем временем собака, которая должна была стать нашей, томилась где-то там. И я понятия не имела, где именно.

Заводчики нами даже не рассматривались. Мы знали одного хорошего в соседнем городке, но он разводил рабочих собак, а не домашних любимцев, и, кроме того, для нас было важно взять бордер-колли, у которой иначе просто не было бы шансов обрести дом.

Итак, без особой надежды я отдала свою мечту на милость вселенной. Я сообщила друзьям, что мы ищем молодую суху бордер-колли. Один мой друг был обозревателем в журнале «Янки» и знал, кажется, половину населения Новой Англии. Другой был членом правления местного общества защиты животных. Третий работал в массачусетском Обществе предотвращения жестокого обращения с животными. Если у кого и могли быть какие-то зацепки, то именно у них.

И на всякий случай я позвонила Эвелин — владелице того частного приюта, где мы взяли Тэсс. С тех самых пор

мы дружили. Я, конечно, сразу же сообщила ей о смерти Тэсс и была уверена, что она позвонит нам, если к ней в приют вдруг попадет еще одна бордер-колли, хотя вероятность этого близилась к нулю. За последние 14 лет Тэсс оказалась единственной бордер-колли, которую Эвелин удалось спасти. Однако я все-таки позвонила ей, просто чтобы сообщить, что мы находимся в поиске.

Эвелин немного помедлила, а потом ответила, явно потрясенная таким совпадением:

— У меня тут как раз есть подходящая девочка.

Ей было около пяти лет. Точнее Эвелин сказать не могла. До того как попасть в приют, собака успела пожить в двух разных домах, но ни в одном о ней, похоже, не заботились. Ее звали Зуи, но она на эту кличку не отзывалась, и Эвелин переименовала ее в Зак.

История этой собаки была печальной. Прошлой зимой, после не вовремя устроенной вязки с соседским кобелем бордер-колли, Зак принесла помет из восьми дорогостоящих чистопородных щенков. Но ее хозяева не подумали о том, что зима — не лучшее время для появления на свет малышей, к тому же рожала она на бетонном полу в холодном подвале, поэтому щенки замерзли. К тому времени, когда хозяин Зак догадался позвонить Эвелин, пятеро из восьми уже умерли.

Приехав, та увидела, что новоиспеченная мать в отчаянии носится взад-вперед по загончику, понимая, что ее дети умирают, а она не может спасти их.

— Мне стало плохо, когда я это увидела, — рассказывала мне Эвелин. — Она буквально кишила блохами. Из-за этого она была почти лысая. Мне потом пришлось лечить ее. Это было все, что я могла сделать, кроме того, чтобы проклинать этих людей.

Эвелин спасла трех оставшихся щенков, которых мужчина собирался продать за хорошие деньги. Но их мать была не нужна ему. Поэтому Эвелин забрала Зак и вылечила ее. Зак обросла шерстью.

— Она красивая собака, — сказала мне Эвелин. — Но не очень социализированная.

И мы с Говардом поехали посмотреть на нее.

— Зак! Успокойся, сейчас же! — скомандовала Эвелин, когда собака потянула за поводок.

На первый взгляд, эта собака была поразительно похожа на Тэсс: типичная бордер-колли с белыми носками, белой полосой на носу, белым воротником и белой грудью на черном фоне. Но, конечно, она была другой, и вскоре различия стали очевидны.

Зак был крупнее Тэсс, килограмма на четыре тяжелее, с более густой шерстью и полностью стоящими ушами. Да и темперамент у нее был иным. Тэсс была невероятно настроена на нас с момента нашей встречи. Говард влюбился в нее после первого же броска фрисби. Но эта собака, как с разочарованием отметил Говард, проигнорировала летающий диск. Приносить мяч она тоже не собиралась. Ее, похоже, не интересовали никакие игрушки.

Она не откликалась ни на свое старое имя — Зуи, ни на новое — Зак. Казалось, она не понимала ни слова по-английски. И в отличие от Тэсс, которая была полностью сосредоточена на нас и на том, что мы делали, Зак интересовалась всем вокруг и постоянно на что-то отвлекалась.

Говарду не понравилась ее шерсть. Хотя после излечения от чесотки Зак обросла и была очень пушистой,

с характерными завитками на спине, цвет у нее был не угольно-черный, как у Тэсс, а с коричневатым оттенком. Ему также не понравился ее хвост, который загибался вправо, возможно из-за какой-то травмы. А еще ему не нравился ее возраст — пять лет. Он решил, что это слишком много. Смерть Тэсс разбила ему сердце, и он считал, что если уж брать собаку, то молодую, чтобы она прожила у нас по крайней мере не меньше, чем Тэсс. И хотя Зак сразу, при первом знакомстве, доверчиво прижалась к нему, он не захотел ее брать.

Но я, увидев Зак сбоку, заметила кое-что важное: ее пушистый белый воротник не обивался кольцом вокруг шеи. С правой стороны шея была абсолютно черной и выглядела так, будто никакого белого воротника у собаки не было и в помине. То есть это была собака из моего сна.

Мы приехали навестить Зак еще раз, но Говард опять не согласился взять ее. Вне себя от огорчения, я поехала к своей подруге Лиз Томас и рыдала, сидя у нее на кухне. Когда я вернулась, Говард уже лежал в постели, выключив свет. В темноте раздался его голос: «Давай возьмем эту собаку». И на следующий день мы поехали к Эвелин, чтобы увезти Зак домой.

— Удачи! — крикнула Эвелин, когда наша машина отъезжала. — С этой собакой вам скучно не будет!

Эвелин оказалась права. Скучно нам не было. В первый же день она накакала почти во всех комнатах, а также (хотя, к сожалению, мы обнаружили это только

через несколько дней) в подвале. Кроме того, она таскала еду — все, до чего могла добраться. Еще она рыла ямы на лужайке, чего Тэсс никогда не делала, и ей нравилось валяться в экскрементах других животных и пробовать их на вкус. В довершение она, похоже, действительно не знала английского языка.

Но при этом она была примерной ученицей. Мы дали ей новое имя — Салли, и она сразу же запомнила его. После того первого дня она больше никогда не делала свои дела в доме, за исключением подвала — его она считала подходящим отхожим местом, возможно потому, что раньше ее держали именно в подвале.

Мы с Салли начали заниматься с частным тренером и посещать групповые занятия по послушанию. Вскоре она стала безотказно подходить на зов и выполнять все остальные команды, даже давать лапу. Через месяц обучения ей выдали диплом от местного общества защиты животных, который мы с гордостью повесили на холодильник. В тот же вечер, прежде чем я успела накрыть Говарду ужин, она стащила его крабовые котлеты с тарелки, стоявшей на кухонном столе. В другой раз она съела праздничный пирог, который я испекла для подруги. А потом открыла дверцу шкафа и съела целую пачку овсянки — последствия не заставили себя ждать.

Я часто говорила: «Салли делает все, что я скажу — и даже гораздо больше!» Кое-какие из таких непрощенных поступков создавали проблемы. Она так хорошо подходила на зов, что с ней можно было спокойно гулять в лесу без поводка — я очень любила наши утренние прогулки вдвоем и дневные с моей подругой Джоди Симпсон и ее пуделями, Перл и Мэй. Но при этом Салли частенько съедала и/или изваливалась в чем-то

ужасном. Однажды мне пришлось возвращаться из поездки, сидя вместе с ней в багажнике темно-синего внедорожника Джоди, потому что Салли была слишком вонючей и липкой, чтобы ехать на заднем сиденье с другими собаками.

В другой раз мы шли по грунтовой дороге мимо места, где жили немецкие короткошерстные легавые. Их двор был окружен изгородью, чтобы туда не забегали другие собаки. Но это не помешало Салли ворваться в дом через собачью дверь, потревожив недавно ощенившуюся суку и спровоцировав драку между двумя кобелями, которых их владелице пришлось разнимать. При этом ее укусили за руку, так что понадобилось ехать в больницу. Эта женщина была юристом и запросто могла бы подать на меня в суд, поэтому я была очень благодарна ей за то, что она простила Салли ее бесчинства.

Салли обожала воровать. Она таскала обеды из рюкзаков. Выхватывала бутерброд, не донесенный до рта, прямо из твоей руки. Однажды утром она стащила из кухни стальную мочалку, и следы от нее остались на ковре в столовой. Она открывала шкафчик под раковиной, чтобы выудить что-нибудь из мусора. И при этом каждый раз выглядела так, будто была очень горда своими достижениями. Вместо того чтобы сердиться, я не могла удержаться от смеха. А Говард называл ее Маленькая Салли Рецидивистка. Но когда они ехали куда-нибудь вдвоем в его фургоне, он напевал ей песню Брюса Спрингстина «Детка, я хочу на тебе жениться».

Несмотря на принадлежность к одной породе, Салли и Тэсс были почти полными противоположностями. Тэсс была грациозна, а Салли все переворачивала и разбивала. Тэсс обожала свой летающий диск и теннисные мячи,

но презирала другие игрушки. Салли, как оказалось, сходила по игрушкам с ума, за исключением фрисби, которую она ловила без всякой охоты и только для того, чтобы порадовать Говарда. Тэсс любила нас, однако считала, что больше чем несколько минут нежностей — это перебор, и терпеть не могла никакие расчески. Салли была необычайно ласкова: она кидалась к незнакомцам и тыкалась мордой им в лицо, выпрашивая поцелуй. И каждый вечер нежилась, пока я больше часа любовно ее расчесывала. Мы поменяли ей корм, и ее пышная шерсть утратила коричневый оттенок, который не нравился Говарду, став угольно-черной.

Я вновь чувствовала себя исцелившейся. Салли сделала меня невыразимо счастливой. Мне нравилась мягкость ее шерсти, нравилось, как ее лапы пахли кукурузной мукой, нравился ее плавный бег, аппетит, с которым она ела (в том числе масло, которое достали из холодильника, чтобы отнести на стол, или хлопья, оставленные на минутку, чтобы ответить на телефонный звонок). Мне нравилось, как она потрошила мягкие игрушки, которые я всегда привозила ей из своих путешествий, искренне наслаждаясь уничтожением синей акулы, красного носорога и одного мягкого ежа за другим. Мне нравились ее стоячие уши. Вскоре после того, как мы с Говардом закончили колледж, рок-группа «Полис» выпустила хит «Все, что она делает, — волшебно», и именно это я чувствовала по отношению к Салли.

Мы спали втроем, прижавшись друг к другу, и все наши конечности — руки, ноги, хвост — были переплетены. К сожалению, Салли часто вскакивала посреди ночи и лаяла, откликаясь на голоса далеких собак и лисиц. Вскоре после этого она уже снова хранила рядом с нами, а мы лежали с колотящимися сердцами, часами глядя на трещину

в потолочной штукатурке. И если Говард вставал ночью, Салли немедленно перебиралась на его место и клала голову на подушку. А когда он возвращался, одаривала его широченной улыбкой. Она считала, что это отличная шутка! И мы тоже так считали.

Люди часто говорят о «собаке на всю жизнь» — такое выражение придумал писатель и тоже владелец бордер-колли Джон Кац. «Это собаки, которых мы любим особенно, иногда необъяснимо, сильно», — пояснял он. Тэсс была нашей собакой на всю жизнь.

Но и Салли была ею.

Она не заменила нам ни Тэсс, ни Криса. Она не была серьезной, идеально послушной и поразительно умной бордер-колли, как Тэсс. Она не была великим буддийским учителем, как Кристофер Хогвуд. Она не была мудрой наставницей, как Молли. И все же с того момента, как Салли появилась у нас в доме, я любила ее ничуть не меньше, чем их.

Это дар, который души ушедших оставляют нам: благодаря им наши сердца обретают способность вмещать больше любви. Благодаря животным, которые были у меня до Салли, я любила ее той же любовью, какую прежде испытывала к Молли, к Тэсс, к Крису, — со всей силой, с какой только можно было любить эту дурашливую, хулиганистую, милую, улыбчивую, замечательную собаку.

— Тэсс, должно быть, смеется над нами, — говорил иногда Говард, видя, как я убираю сухой корм, который Салли разбросала по всей кухне, или намываю ее после того, как она изв�ялась в разложившейся олениной туще. Я никогда в этом не сомневалась. Мне нравилось представлять, как Тэсс улыбается нам с небес,

зная, что каждый раз, когда я смотрю на Салли, я с благодарностью и любовью думаю и о ней тоже. В конце концов, все обернулось так, как хотела Тэсс, когда явились ко мне во сне.

Много лет спустя, просматривая записи, которые я сделала после давнего разговора с Эвелин о Салли, я осознала, в чем еще заключалась чудесность того сна. Он начинался с того, что я видела щенка, жизнь которого была в опасности, и я не знала, как спасти его. Сон приснился мне в январе, в том же месяце (и кто знает? возможно, в ту же ночь!), когда Салли, которую тогда звали Зуи, запертая в холодном подвале за много миль от меня, отчаянно пыталась спасти от смерти своих замерзающих щенков. Неужели во сне я, сама того не зная, оказалась в том же ужасном, безвыходном положении, в котором была тогда Салли?

Мне остается только гадать: а являлась ли Тэсс к ней? Показала ли ей меня как обещание нового будущего? Если так, то благодаря Тэсс мы с Салли обе видели друг друга в ту ночь, во сне.

ГЛАВА 9

ОКТАВИЯ

Стоя на низкой стремянке, я склонилась над аквариумом, мотая туда-сюда мертвым кальмаром в холодной (восемь градусов!) соленой воде. В конце концов правая рука у меня закоченела, и я продолжила делать то же самое левой, пока и она не замерзла. Но, несмотря на все мои усилия, гигантский тихоокеанский осьминог, новая обитательница Аквариума Новой Англии по имени Октавия, держалась у противоположной стены ее резервуара емкостью 2500 литров, при克莱ившись к ней присосками. Она не пожелала подплыть ко мне — пока, и я решила попробовать еще раз позже. Мне отчаянно хотелось погружаться с этим осьминогом.

Еще раньше той весной я познакомилась с предшественницей Октавии Афиной. Как только смотритель аквариума открыл тяжелую крышку резервуара, она скользнула ко мне, чтобы осмотреть меня. Ее доминирующий глаз повернулся в глазнице, чтобы встретиться со мной взглядом, а четыре или пять щупалец длиной

больше метра, покраснев от возбуждения, потянулись ко мне из воды. Не колеблясь, я опустила руки в воду, и тут же к моей коже прикрепились сначала десятки, а потом сотни белых присосок размером с монету. Осьминог ощущает вкус всей своей кожей, но наиболее отчетливо — через присоски.

— Ты не испугалась? — спросила меня на следующий день моя подруга Джоди, когда мы с Салли гуляли с ней и ее пуделями в лесу.

Джоди и я ежедневно часами напролет играли с нашими собаками и тренировали их; она, как и я, — большой любитель животных. Но осьминог — бескостный, холодный, покрытый слизью?

— Тебе не было противно? — поинтересовалась она.

— Ну, если бы человек начал пробовать меня на вкус при первом знакомстве, я бы встревожилась, — призналась я.

Однако это существо было похоже на пришельца с другой планеты: осьминог может менять цвет и форму и может протиснуть свое мешковидное, почти 20-килограммовое туловище через отверстие размером с апельсин. У него клюв, как у попугая, яд, как у змеи, и чернила, как в старых перьевых ручках. И вот это большое, сильное, умное морское беспозвоночное — не похожее на человека настолько, насколько это вообще возможно, — проявило ко мне интерес. Неудивительно, что меня тянуло к нему.

Я приходила еще дважды, чтобы познакомиться с Афиной поближе. Она, кажется, узнавала меня. Я читала об экспериментах, проводившихся в Аквариуме Сиэтла, которые показали, что осьминоги различают людей даже сквозь толщу воды и даже если те одинаково одеты. Афина позволила мне погладить ее по голове, чего прежде посетителям не позволяла. А почувствовав прикосновение

моей руки, стала белой — у осьминога этот цвет означает, что он расслаблен. Я только начинала узнавать это странное и неотразимое создание, поняв, что передо мной открылась возможность исследовать разум морского моллюска — существа, связанного родственными узами с не наделенными разумом двустворчатыми моллюсками, но, в отличие от них, умного и сложного.

Я уже работала над журнальной статьей об интеллекте осьминогов, которая, как я надеялась, могла вылиться в целую книгу, когда всего через неделю после третьей встречи с Афиной получила ужасное известие: Афина умерла. Вероятно, от старости. Никто не знал наверняка, так как на свет она появилась в дикой природе, но ей было, вероятно, от трех до пяти лет, а это возрастной предел для гигантского тихоокеанского осьминога.

Узнав эту новость, я не смогла удержаться от слез. Только при моей жизни ученые начали признавать, что шимпанзе, ближайшие родственники человека, являются разумными существами. А как насчет существ, отличающихся от нас настолько, насколько могут отличаться только инопланетные создания или герои научно-фантастических произведений? Как много я могла бы узнать о внутреннем мире этих животных, если бы инструментом исследования служил не только мой интеллект, но и сердце! И вот теперь вместе с Афиной погибла и эта уникальная возможность.

Однако через несколько дней после смерти Афины мне пришло приглашение: «В Бостон с тихоокеанского северо-западного побережья везут молодого осьминога, — написал мне смотритель Аквариума Скотт Дауд. — Приходите пожать ему руки (все восемь), когда сможете».

Оказалось, что сказать это легче, чем сделать.

— Давайте попробуем еще разок попозже. Она может передумать, — предложил Уилсон Менаши, опытный волонтер Аквариума, который много работал с осьминогами.

В отличие от Афины, которая ухватила меня за руку сразу же, Октавия не проявляла никакого интереса ко мне — и вообще к кому бы то ни было, если уж на то пошло.

— Они все разные, — объяснял Уилсон. — Даже у любителей есть свой характер.

Те, кто ухаживает за осьминогами, хорошо знают, насколько все они отличаются один от другого. Это часто находит отражение в именах, которые дают своим питомцам смотрители. В аквариуме Сиэтла жила робкая самка осьминога, которая всегда пряталась за фильтром. Ее называли Эмили Дикинсон в честь поэтессы-затворницы. В конце концов, поскольку она никогда не показывалась публике, ее отпустили обратно в залив Пьюджет-Саунд, где когда-то она была поймана. Может быть, как и Эмили, Октавия просто стеснялась.

Но могло быть и другое объяснение. Обычно, когда у осьминога, живущего в океанариуме, начинают проявляться признаки старения, ему на смену заранее покупают молодого осьминожку, который растет в другом резервуаре, постепенно привыкая к людям, прежде чем займет свое место в большом аквариуме. Афина умерла неожиданно, и аквариуму срочно нужен был новый осьминог, причем сразу взрослый, чтобы производить впечатление на публику. Октавия оказалась не такой крупной, как Афина, но голова у нее была размером с дыню, а щупальца — почти

метровой длины. Было ясно, что это вовсе не детеныш, а почти взрослый осьминог, который всего-то несколько недель назад жил в дикой природе, в океане.

Неудивительно, что, несмотря на три попытки пообщаться с ней, предпринятые мною в тот день, в свой первый визит я ничего не добилась. Во второй приезд мне повезло не больше. В то утро я снова безрезультатно подманивала ее кальмаром. А потом Скотт решил предложить ей еду в длинных щипцах, которые можно было поднести прямо к ее рту. Внезапно Октавия схватила щипцы — а потом меня. И начала тянуть.

Ее покрасневшая кожа свидетельствовала о возбуждении. Я тоже была взволнована. Она держала мою левую руку ниже локтя тремя щупальцами, а правую обвила еще одним. Сопротивляться ей было невозможно. Одна из самых больших ее присосок может удерживать почти 14-килограммовый вес, при этом на каждой из ее восьми «рук» таких присосок по 200 штук. В целом щупальца осьминога могут выдержать тягу, в 100 раз превышающую собственный вес животного. Если Октавия весила 18 килограммов, как полагал Скотт, значит, была в состоянии удерживать 1800 килограммов, а я могла противопоставить ей только свои 56.

Но я и не пыталась вырваться. Я понимала, что Октавия, как и все осьминоги, может сильно кусаться своим похожим на попугайский клювом, расположенным в месте слияния «рук». Я также знала о ее яде. У гигантского тихоокеанского осьминога он не смертельно опасен, но нейротоксичен и растворяет плоть. Рана от укуса может не заживать месяцами. И все же я не чувствовала угрозы со стороны Октавии. Я чувствовала только, что ей любопытно. И мне тоже.

Однако Скотт испугался, что Октавия утянет меня в воду, и поэтому тоже вцепился в меня.

— Я думал, что в конце концов мне придется хватать вас за лодыжки и тащить из воды, — сказал он, когда осьминог внезапно отпустил меня.

Я же надеялась, что это был прорыв. Похоже, она все-таки проявила ко мне интерес, и в нем не было агрессии. Но правильно ли я ее поняла? Оценить намерения осьминога — это совсем не то же самое, что понять, например, собаку. Я понимаю Салли с одного взгляда, даже если вижу только ее хвост или одно ухо. Но мы с Салли — одна семья, причем в самом широком смысле. У людей и собак, как и у всех плацентарных млекопитающих, 90 процентов общих генов. Собаки эволюционировали вместе с людьми. А с Октавией нас разделяли полмиллиарда лет эволюции. Мы отличались друг от друга, как суша от моря. В состоянии ли вообще человек понять, что чувствует и думает существо, столь не похожее на него?

Конечно, я многому научилась у Кларабелль и ее восьминогих сородичей во Французской Гвиане, но никогда прежде я по-настоящему не дружила с беспозвоночными, тем более с морскими. Сама мысль о том, что я могу подружиться с осьминогом, была бы воспринята многими как антропоморфизм — проецирование человеческих чувств на животное.

Действительно, спроецировать свои собственные чувства на другого очень легко. Мы все время так поступаем в отношении других людей. Кто не выбирал для друга подарок, который потом оказывался не в радость, или не звал кого-то на свидание только для того, чтобы получить холодный отказ? Но эмоции свойственны не только людям. Гораздо худшая ошибка, чем неверное истолкование эмоций животного, — предположение, что у животного эмоций нет вообще.

Неделю спустя я снова приехала в Аквариум. На этот раз не одна. Продюсеры передачи «Жизнь на земле», идущей на Национальном экологическом радио, прочитали мою статью в журнале и послали ведущего, продюсера и звукорежиссера, чтобы записать эфир об интеллекте осьминогов. Но никто из нас — ни Уилсон, ни Скотт, ни даже Билл Мерфи, главный смотритель морской галереи, который ухаживал за Октавией каждый день, — понятия не имел, как она поведет себя.

Пока я вглядывалась в воду, Уилсон выбрал серебристую мойву из маленького ведерка с рыбой, стоявшего на краю аквариума. Октавия тут же подплыла и обхватила руку Уилсона своими присосками. Я опустила руки в воду, и она обхватила и мои тоже. Несколько щупалец высунулось из воды.

— Давайте, вы можете дотронуться до нее, — предложил Билл Стиву Кервуду, ведущему передачи.

А когда Октавия обвила щупальцем его указательный палец, Стив воскликнул:

— Ой! Вот это хватка!

Он был в восторге.

Вскоре мы, все шестеро — Билл, Уилсон, Стив и я, опустив руки в воду, а также продюсер и звукорежиссер, наблюдавшие у края резервуара, — купались в море разнообразных ощущений: Октавия обвивала нас своими щупальцами, и мы чувствовали ее присоски на своей коже; ее тело меняло окраску, а присоски, щупальца и глаза двигались. Мы гладили ее, ощущая под руками мягкую, шелковистую слизь, а она пробовала нашу кожу на вкус,

оставляя на ней красные следы. Мы наблюдали, как меняется поверхность ее кожи: на ней образовывались бугорки, которые иногда выглядели как шипы, иногда как гусиная кожа, а иногда у нее над глазами появлялись будто маленькие рожки.

Мы решили дать Октавии еще одну мойву. Но, когда посмотрели на край резервуара, оказалось, что ведро исчезло.

При том, что шесть человек неотрывно наблюдали за ней, она стащила его прямо у нас из-под носа!

Мы не стали пытаться вернуть ведро. Октавия высыпала из него рыбу и держала его перед собой, изучая. Но, играя с ведром, она продолжала играть и с нами. Многозадачность дается осьминогам легко, потому что три пятых нейронов находятся у них не в мозге, а в щупальцах. Это почти то же самое, что иметь отдельный мозг в каждой руке — мозг, который жаждет стимуляции и наслаждается ею.

Я заметила, что участки кожи Октавии начали превращаться из красных в белые — цвет спокойствия и умиротворения.

— Она довольна! — крикнула я Уилсону.

— О да, — согласился он. — Очень довольна.

В Мировом океане обитает больше 250 видов осьминогов. О большинстве из них мы знаем мало. Но почти все они — в том числе и гигантский тихоокеанский осьминог — предпочитают жить одиночками, отдельно от сородичей. Даже спаривание у осьминогов запросто может превратиться в обед, если один партнер вдруг решит

съесть другого. Так почему же осьминоги готовы дружить с людьми?

Я думаю, ради того, чтобы играть с нами.

В дикой природе осьминоги постоянно решают всевозможные задачи. У них очень разнообразный рацион — от моллюсков, добраться до которых можно только, открыв раковину, до рыбы, которую нужно преследовать, и крабов, которых приходится вытаскивать из расщелин коралловых рифов. Кроме того, осьминоги любят находить всякую всячину и тащить ее к себе домой. Некоторые их виды отыскивают две половинки кокосовой скорлупы и переносят их на довольно большое расстояние, чтобы сделать себе из них укрытие. Другие собирают камни, чтобы построить стену перед входом в свой «дом». Они лихо крадут камеры GoPro и фотоаппараты у дайверов, а иногда стягивают с тех маски и регуляторы.

Осьминоги, живущие в неволе, любят игрушки, часто те же самые, с которыми играют дети. Они обожают разбирать и собирать Мистера Картофельная Голова. Играют в лего. Откручивают крышки банок, чтобы достать оттуда вкусного краба, а потом зачастую еще и завинчивают крышку, просто потому, что им это нравится. Чтобы занять и развлечь осьминогов, Уилсон, инженер и изобретатель, сконструировал набор плексигласовых коробок с различными замками. Осьминоги наслаждались тем, что открывали коробку за коробкой, спрятанные друг в друга, чтобы в конце концов достать лакомство, лежащее внутри.

Я думаю, что Октавия прониклась ко мне симпатией, потому что нам нравилось играть друг с другом. Конечно, это не было похоже на бейсбол или игру в куклы. Скорее

ДРУЖБА С ОСЬМИНОГОМ —
ЧТО БЫ ЭТА ДРУЖБА
НИ ЗНАЧИЛА ДЛЯ НЕГО —
ПОКАЗАЛА МНЕ,
ЧТО НАШ МИР,
КАК И МИРЫ ВОКРУГ
И ВНУТРИ НЕГО,
НАПОЛНЕН СВЕТОМ,
КОТОРЫЙ МЫ НЕ В СИЛАХ
ПОСТИЧЬ...

это было что-то вроде ладушек, только с присосками. Сотрудники и волонтеры Аквариума тоже любили играть с ней, но у них были и другие обязанности. А я могла делать это бесконечно или, по крайней мере, до тех пор, пока у меня не замерзнут руки или пока Октавия не устанет, потому что ее голубая кровь, в которой кислород переносится медьюсодержащим белком, дает меньше сил, чем наша красная, богатая гемоглобином — белком, содержащим железо.

Иногда я приводила к ней новых друзей, чтобы она могла поиграть и с ними. Моя подруга Лиз, которая выкуривает по пачке сигарет в день, Октавии не пришлась по вкусу. Зато с другой подругой, с которой я изучала горилл в Африке, она чудесно играла.

А старшекласснице, которая хотела понаблюдать за моей работой, Октавия облила из своей воронки струей соленой воды!

Однажды в том году мне пришлось пропустить свой еженедельный визит в Бостон, чтобы посетить симпозиум, посвященный осьминогам, в Сиэтле. Когда я вернулась в Аквариум Новой Англии и Уилсон открыл резервуар, Октавия подплыла и протянула ко мне щупальца с явным энтузиазмом, который, как и широкая улыбка Салли, не оставлял сомнений в том, что она мне рада. Ухватив меня за обе руки, она приклеилась к ним присосками так крепко, что у меня остались следы, не проходившие несколько дней. Мы провели вместе час и 15 минут.

Но вскоре после этого Октавия расхотела играть.

«Октавия становится капризной», — написал мне Билл. Ее поведение внезапно изменилось. Обычно она любила отдыхать в верхнем углу своего аквариума; теперь же сидела на дне или у стекла, обращенного к публике, где был яркий свет. Она всегда была очень ярким осьминогом, и чаще всего ее кожа была красного цвета. Теперь она стала намного бледнее. Но главное, она, по словам Билла, «стала меньше интересоваться общением с людьми».

— Все это, — сказал он мне, — признаки старения.

Возможно, ее жизнь близилась к концу.

Я приехала, чтобы увидеть ее, и она подплыла ко мне. Но ее хватка была слабой. Наше общение закончилось через 15 минут. Душа у меня была не на месте. Скоро мне предстояло ехать в Намибию, потому что я писала книгу о гепардах. Будет ли Октавия жива, когда я вернусь?

Она дождалась моего возвращения, но ее жизнь и наши с ней отношения совершенно изменились.

Теперь ее кожа стала гладкой, как стенки мыльного пузыря. Ее морда, воронка и жаберные отверстия были обращены к стене. Всеми присосками она крепко держалась за стенки своего аквариума и за каменную стену логова — и только одно длинное щупальце безжизненно свисало вниз, как струна. Большое тело Октавии приобрело розовый цвет с бордовыми прожилками, и только перепонка между щупальцами была серой.

Пока меня не было, Октавия отложила яйца — около 100 000. Жемчужно-белые, размером с рисовые зерна, они висели длинными цепочками. Каждое яйцо имело маленький черный хвостик, и Октавия, используя свои ловкие щупальца, сплетала их вместе, как косичку лука, а затем приклеивала к потолку или стене своего каменного логова. Поскольку Октавия не спаривалась, ее яйца не были оплодотворены. Но она не могла знать, что из них никто никогда не вылупится. Теперь яйца были единственным, что интересовало ее. В дикой природе матери-осьминоги ведут себя точно так же.

Они никогда не покидают свои яйца, даже чтобы поесть. На воле это означает, что до конца своих дней они голодают. Но мы-то могли хотя бы пытаться покормить Октавию. Взяв тушку рыбы длинными щипцами, Уилсон предложил ее нашему другу, сидящему в своем логове. Октавия вытянула щупальце, чтобы взять угощение. Потом, словно она что-то вспомнила, за первым щупальцем последовало второе, а затем третье — чтобы обвить мою руку. Но она почти сразу отпустила меня

— Люди ее больше не интересуют, — сказал мне Уилсон.

Она стерегла свои яйца и никого не хотела видеть.

— Пусть делает свое дело, — добавил он, закрывая крышку резервуара.

В те дни мне оставалось только наблюдать за Октавией. Я приезжала пораньше, до открытия Аквариума, и проходила в зону для зрителей.

До появления посетителей в Аквариуме темно, таинственно и уютно. Наблюдение за Октавией было сродни медитации. Я освобождала свой разум от всех других мыслей, очищая пространство, чтобы впустить туда ее. Чтобы

подготовиться к встрече, мне нужна была тишина. Я давала своим глазам привыкнуть к темноте и настраивала мозг на то, чтобы по максимуму воспринимать увиденное.

Тело Октавии было то коричневатым, испещренным белыми пятнами, то розовым. Ее кожа могла быть колючей или гладкой, глаза — медно-красными или серебристыми. Она могла держаться присосками за потолок своего логова или за стенки. Одно оставалось неизменным: она не переставала заботиться о своих яйцах. Однажды утром я застала ее висящей под потолком, прикрепившейся к нему присосками одного щупальца. Другое было под мантией — той частью осьминога, которая выглядит как голова, но на самом деле является туловищем. Кожа перепонок свисала вниз, как драпировка. И вдруг, после 25 минут полной неподвижности, два других ее щупальца начали энергично перетряхивать цепочки яиц. В этот момент Октавия была похожа на домохозяйку, пылесосящую занавески.

В другой раз она прополаскивала их мягкими движениями, словно взбивая подушку. А иногда использовала свою воронку, чтобы промыть их водой, словно из шланга. Через жаберные щели она набирала воду, отчего ее мантия расширялась, как цветущая розовая орхидея-туфелька, а затем выпускала мощную струю.

Бывало, что Октавия тонкими кончиками щупалец поглаживала яйца с истинно материнской нежностью. И даже когда она была неподвижна, Октавия продолжала заботиться о них. Большую часть времени яиц не было видно, потому что она закрывала их своим телом, защищая от кого бы то ни было. Хотя в ее аквариуме не было хищников, она постоянно оберегала своих нерожденных детей.

Как бы я хотела, чтобы ее яйца оказались оплодотворенными и чтобы из них вылупилось потомство! Тогда ее

кончина, которая должна была наступить очень скоро, была бы, как смерть паучихи Шарлотты, оправдана появлением на свет многих новых жизней. Но заключалась ли в ее яйцах новая жизнь или нет, материнская преданность Октавии была поистине прекрасна. В том, как она ласкала их, ухаживала за ними и защищала от любой опасности, я видела проявление самой древней и самоотверженной любви.

Тысячи миллиардов матерей — от желеобразных предков Октавии до моей собственной матери — научили своих потомков любить и знать, что любовь — это высшее и лучшее, что может быть в жизни. Только любовь важна, и это и есть жизнь, даже если в яйцах Октавии ее не было. Молли. Кристофер. Тэсс... Все они уже ушли из жизни, но от этого я не перестала любить их. Я знала, что и Октавии скоро не станет. Но любовь никогда не умирает, и ничто не умаляет ее. До сих пор мое сердце исполнено благодарности к Октавии за то, с каким усердием и любовью ухаживала она за своим нерожденным потомством. Ведь я смогла принять неизбежность ее смерти, осознавая, что она умирает, любя — так, как может любить только самка осьминога в конце своей короткой необыкновенной жизни.

В те дни, чтобы не пасть духом окончательно, я посмотрела видео, на котором было заснято, как появляются на свет из яиц гигантские тихоокеанские осьминожки. Мать, которая охраняла эти яйца и ухаживала за ними

целых полгода, с помощью своей воронки выдула малышей, крошечные копии ее самой, из норы в открытый океан, где им предстояло стать частью планктона, пока они не вырастут настолько, чтобы поселиться на дне. Последние силы матери-осьминога ушли на то, чтобы поднять новорожденных в море. Через несколько дней дайверы, которые снимали этот фильм, нашли ее на том же месте мертвой.

Однако прошло уже полгода с тех пор, как Октавия отложила яйца, а она была жива. Прошло семь месяцев. Восемь. Некоторые яйца, несмотря на все ее заботу, усохли и упали на дно. Но она все равно не оставляла их. Прошло девять месяцев. Потом десять. Это казалось каким-то чудом, однако Октавия все еще держалась.

Однажды, придя к ней, я увидела, что один глаз у нее вздулся. Дело было не в инфекции: просто ее ткани, как и ее разлагающиеся яйца, начали распадаться. Чтобы ей было комфортнее, Билл решил переселить Октавию из большого аквариума с его ярким освещением, шумной публикой и потенциально опасными для нее острыми камнями. Но захочет ли она оставить яйца?

Ко всеобщему удивлению, почувствовав прикосновение руки Билла, Октавия согласилась забраться в сачок, и ее перенесли в тихое, темное место, в бочку подальше от публики.

Прячась в своем каменном укрытии, она не видела нас долгие десять месяцев. И все это время я не прикасалась к ней и не играла с ней. Но все же после ее переселения из большого аквариума я решила повидаться с ней — в последний раз.

Мы с Уилсоном открутили крышку ее бочки и заглянули внутрь. На случай, если она захочет поесть, мы

принесли для нее кальмара. Октавия всплыла наверх и взяла кальмара из наших рук. А потом бросила его на дно. Вовсе не голод заставил ее подняться на поверхность воды.

Она была стара и слаба. Дни ее были сочтены. Она не общалась с нами уже десять месяцев — учитывая продолжительность жизни осьминога, это все равно что не видеться с кем-то четверть века. Но она не только помнила нас, но и сделала над собой усилие, чтобы поприветствовать нас в последний раз.

Октавия посмотрела нам в глаза и нежно, но крепко прижала свои присоски к нашей коже. Так она провела с нами целых пять минут, а потом опустилась обратно на дно.

Поняла ли Октавия в конце концов, что ее яйца бесплодны? Было ли ей покойно в ее последние дни? Чувствовала ли она, как сильно я переживаю за нее? И имело ли это для нее хоть какое-то значение?

Хотела бы я знать, но не знаю. Зато теперь благодаря Октавии я знаю кое-что даже более важное. Лучше всего это выразил Фалес Милетский, греческий философ, живший больше 2600 лет назад: «Космос одушевлен, и в нем есть огонь, и он полон божественных сил». Дружба с осьминогом — что бы эта дружба ни значила для него — показала мне, что наш мир, как и миры вокруг и внутри него, наполнен светом, который мы не в силах постичь, и гораздо более одухотворен и чудесен, чем мы можем представить.

ГЛАВА 10

ТЁРБЕР

Рик Симпсон узнал меня по определителю номера, но я не ожидала, что к телефону подойдет он. Я звонила его жене, Джоди.

— Рик? — мне удалось произнести только его имя, а потом меня стали душить слезы.

— Сай, ты как? Что-то случилось? С Говардом все в порядке? Приехать к вам?

Я не могла ничего сказать в ответ. Теперь я задыхалась и чувствовала себя униженной. Я не ожидала, что не сдержу слез, и уж точно не рассчитывала, что буду безудержно рыдать в ухо Рику.

Другое дело — Джоди, с которой я и надеялась поговорить. Ведь мы — она, я, Перл, Мэй и Салли — последние девять лет почти каждый день гуляли вместе, и она точно поняла бы мои сомнения и помогла бы мне разобраться.

В конце концов мне удалось взять себя в руки и рассказать Рику, что произошло. Никто не пострадал. Никому

ничто не угрожало. Но я чувствовала, что моя жизнь вот-вот перевернется с ног на голову, и не была уверена, что готова к этому.

Первые признаки надвигающегося несчастья настигли нас в прекрасный снежный день во время лыжной прогулки.

Когда мы гуляли с Джоди, Перл и Мэй, Салли часто убегала довольно далеко от нас — в лесу всегда находилось, в чем повалиться и чем полакомиться. Но стоило мне позвать ее, и она поворачивала свои острые уши в мою сторону, несколько секунд прикидывала, надо ли менять свои планы, и потом всегда бежала ко мне. Однако в этот день, когда я стала звать ее, потому что она забежала в заросли репейника, который мне пришлось бы целую вечность вычесывать из ее густого меха, она даже не подняла на меня взгляд.

Салли оглохла.

С этим мы смирились. Купили ей ошейник с вибрацией, и я научила ее смотреть на меня, когда он начинает вибрировать, и получать за это угощенье. Мы продолжали ходить в лес с нашими друзьями, только теперь избегали гулять вблизи дорог, так как Салли не слышала приближения машин. У ее глухоты был даже один плюс: по ночам нас с Говардом больше не будил лай Салли, переговаривавшейся с далекими лисами и собаками. Но эта потеря слуха испугала меня. Мы провели вместе всего девять лет. Неужели Салли намного старше, чем мы думали?

Я переживала. Вскоре мне предстояло ехать в Бразилию. Я должна была сопровождать Скотта Дауда, который

первым познакомил меня с осьминогом в Аквариуме Новой Англии, в путешествии вверх по Риу-Негру, темноводной реке, которая сливалась со светлыми водами Рио-Солимойнс и давала начало Амазонке. Я работала над книгой для юных читателей о домашних аквариумных рыбках: откуда родом эти маленькие яркие создания и как они могут помочь в сохранении тропических лесов. Но мне очень не хотелось расставаться с Салли. Я знала, что в течение нескольких недель у меня не будет никакой связи с остальным миром. И если здоровье Салли под угрозой, я предпочла бы не ехать в экспедицию и отложить написание книги на год.

За неделю до моего отъезда мы отправились к нашему любимому ветеринару Чаку. В начале той недели Салли, казалось, поскользнулась на льду и слегка прихрамывала. Но Чак заверил меня, что с ней все в порядке. Я могла ехать.

На обратном пути из Бразилии я пыталась дозвониться до Говарда, сначала из Майами, потом из Бостона. Но безуспешно. Когда я вошла в нашу дверь, меня ждало именно то, чего я больше всего боялась: Салли лежала у подножия лестницы, не в силах подняться. Пока меня не было, ее поразило какое-то собачье заболевание периферического вестибулярного аппарата.

Салли восстановилась — как и Тэсс до нее. Сначала мы тренировались ходить по дому. Через две недели уже могли гулять по нашей улице. А через месяц возобновили лесные прогулки, хотя теперь они стали короче и спокойнее.

Джоди, Перл и Мэй были терпеливы с нами. Казалось, пудели даже приглядывали за Салли, ходившей медленно и неуверенно. Они ждали ее на тропе, как когда-то Тэсс ждала меня.

Несмотря ни на что, Салли наслаждалась жизнью, по-прежнему таскала еду, любила наши лесные прогулки и одаривала нас своей несравненной улыбкой. Но явно чувствовала себя все хуже. Что ее мучило? Артрит? Мы сделали ей рентген. Попробовали давать ей глюкозамин, то же лекарство, что помогало Кристоферу. Однако наш ветеринар подозревал, что дело было в чем-то другом.

Он оказался прав. Это была опухоль головного мозга.

Мы готовы были на все, чтобы помочь ей. Мы проконсультировались с ветеринарным неврологом в штате Мэн. Нам сказали, что лечение в таких случаях помогает редко. Мы молились, чтобы это была медленно растущая опухоль. Но нет, это было не так.

В выходные, когда ни Говарда, ни Джоди не было, Салли перестала вставать и отказалась от еды. Я не отходила от нее ни на шаг. Пока я гладила ее, она выглядела спокойной и умиротворенной, а иначе вела себя беспокойно. Я вынесла ее на улицу, чтобы она насладилась теплым весенним солнцем. Мои друзья Лиз и Гретхен пришли поддержать нас и не уходили, пока Говард не вернулся домой. Чак срочно приехал к нам, чтобы осмотреть Салли. Он решил, что у нее может быть инфекция, и сделал ей укол антибиотиков в надежде на то, что, если она

выздоровеет, у нас еще будет несколько месяцев, чтобы провести их вместе. Но на следующий день стало ясно, что мы должны делать. Чак пришел в нашу спальню, где Салли лежала на овечьей шкуре. Она умерла у меня на руках.

Друзья звонили и приходили, чтобы поддержать меня. Джоди вернулась из своей поездки, и я гуляла с ней и ее собаками в летней густой тени лиственных крон. Моя только что вышедшая книга «Душа осьминога»* стала бестселлером. Но меня не радовали ни успех книги, ни забота друзей, ни красота лесов Нью-Гэмпшира. Меня не радовало ничто. Я чувствовала, что вновь погружаюсь в депрессию. И на этот раз впереди не было никакой экзотической поездки, которая могла бы спасти меня. Впервые за 20 лет мне предстояло ждать следующей запланированной экспедиции целый год.

Однажды утром, примерно через месяц после смерти Салли, нам позвонил Чак.

— Мы тут осматривали новый помет щенков Дэйва Кеннарда, — начал он.

— Держу пари, они очаровательные, — откликнулась я.
Я знала Дэйва, жившего в соседнем городке. Его великолепные чистокровные бордер-колли выступали на показах по выпасу овец по всему северо-востоку США. Дэйв продавал своих щенков за тысячи долларов, и все они

* Монтгомери С. Душа осьминога. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

отправлялись на фермы, где становились пастушими собаками. На роль обычных домашних питомцев они не годились: такая жизнь показалась бы им безнадежно скучной, и это было одной из причин, по которым я не стала звонить Дэйву после сна, в котором Тэсс привела ко мне Салли. К тому же вокруг было так много бездомных и нелюбимых собак, которым мы могли бы подарить кров и заботу, что нам никогда не пришло бы в голову покупать бордер-колли у заводчика.

Так зачем Чак говорит мне это?

— Да, они совершенно очаровательные, — продолжил Чак. — И все здоровенькие. Кроме одного. Там есть мальчик, слепой на один глаз.

Рабочей пастушьей собаке необходимо отличное зрение. Иначе овца, свинья или корова может ударить ее, а поскольку животные, которых пасут бордер-колли, часто значительно крупнее их самих, такой удар может оказаться смертельным. Кроме того, пастушки собаки могут управлять животными только силой взгляда. Это называется «иметь сильный глаз», но такое возможно, только если оба глаза зрячие. За щенка с таким дефектом вряд ли кто-то станет платить большие деньги, каким бы умненьким и здоровым он ни был.

Я повесила трубку с сильно бьющимся сердцем. А потом позвонила Джоди, но трубку снял Рик.

За обедом мы с Говардом обсудили все причины, по которым не были готовы к появлению в доме щенка. Это было слишком рано. Мы еще не отгоревали по Салли. Может быть, следующей весной мы подумаем о том, чтобы взять бездомную собаку. Суку. Классическую черно-белую, с белой полосой на носу, как у Салли и Тэсс. Нам нужна была молодая собака и некрупная — как Тэсс,

ОЧЕНЬ СКОРО Я ПОНЯЛА,
ЧТО МНЕ ПРЕДСТОИТ УСВОИТЬ
ЕЩЕ МНОГО УРОКОВ
НА ПУТИ К ТОМУ,
ЧТОБЫ СТАТЬ ЛУЧШЕ

потому что Салли, которая весила 18 кг, было трудно носить вверх-вниз по лестнице среди ночи, когда она постарела.

Но мы все равно поехали взглянуть на щенка. Просто посмотреть.

Мы назвали его Тёрбером. Нам всегда очень нравился автор комиксов и писатель Джеймс Тёрбер, и у него тоже был только один глаз. (Второй он потерял в детстве, когда его младший брат играл в Вильгельма Телля и выпустил в него стрелу.) С того момента, как мы привезли его домой, стало ясно, что Тёрбер — самое энергичное, общительное и жизнерадостное создание, которое мы когда-либо знали.

Одного взгляда на него достаточно, чтобы люди начали улыбаться. Белая полоса, похожая на молнию, тянется у него от макушки, огибает здоровый левый глаз и спускается вниз к кончику носа. Он трехцветный, с красивыми рыжеватыми бровями и одним таким же носком на левой передней ноге. Его невероятно длинный хвост (когда он был щенком и я могла носить его на одной руке, этот хвост уже был 35 сантиметров длиной!) почти касается земли, когда он стоит. Но хвост редко бывает опущен вниз. Обычно Тёрбер высоко поднимает его и размахивает белым кончиком, как флагом, когда бежит впереди нас по лесу. Говард называет его «следовой ракетой». Но Тёрбер всегда оборачивается и ждет, когда мы его догоним. И всегда подходит или останавливается, когда мы

его зовем. Он верит, что сейчас произойдет что-то хорошее, — и так и бывает.

Тёрбера почти каждый миг приносит радость. В доме он любит играть со своими игрушками, некоторые, например красный мяч, принадлежали еще Тэсс. Когда он хватает своего резинового пищащего ежа или акулу, одного из своих мягких ягнят или змей, или осьминогов, или своего слона, или дракона, или утку, или бегемота, или краба, мы редко можем удержаться от игры в догонялки. Но, если мы заняты, он забавляется сам, придумывая игры, в которых одна из его игрушек оживает, и он должен либо пасти ее, либо нападать на нее. Он катает по полу сразу несколько мячей и гоняется за ними, иногда ловя по три за раз. В лесу он выбирает огромные, обычно раздвоенные палки — сломанные молодые деревца, иные по два с лишним метра длиной — и тащит за собой или несет в зубах, чтобы произвести впечатление на своих товарищей. Он так счастлив, что поет. По утрам он воет на радио, особенно если там играют на струнных или трубах. В машине по дороге на пикник мы с ним вместе завыаем под его любимые диски. Особенно ему нравятся Спрингстин и одна песня инди-поп-группы A Great Big World, которая называется «Скажи что-нибудь». В последнее время наш дуэт полюбил песню «Грасиас а ла вида» («Спасибо жизни»). Я даже сочинила для нее другие слова: «Грасиас а ла вида / за эту собаааку / Он самый лучший пес / В целом огромном мире...»

Все любят Тёрбера, и Тёрбер любит всех. У него миллион друзей, как среди собак, так и среди людей. Он мгновенно подружился с Гретхен, Лиз и Джоди. Почти каждый будний день мы ходим в лес с Перл и Мэй. По утрам и выходным мы гуляем с одним или несколькими его

друзьями-собаками: пастушим псом по имени Бэзил, любителем купаний черным лабрадором по имени Шэдоу и живущим в нашем квартале красивым щенком золотистого ретривера по имени Августа. Невероятно, но Августа тоже родилась с одним глазом.

Мы часто забываем, что Тёрбер слеп на один глаз. Ведь это почти никак на нем не оказывается. Стоит Говарду бросить мяч, и Тёрбер несется за ним. Он быстр, ловок и умен, послушен и изобретателен. На наш взгляд, он само совершенство.

Время от времени при определенном освещении я вижу, что один его глаз — незрячий, и тогда вспоминаю об этом. Я считаю, что у него есть один здоровый глаз и один благословенный — потому что этот глаз привел его к нам.

Слепота Тёрбера — это генетический сбой. Но это также и чудо — одно из нескольких чудес, которые — благодаря нашему замечательному ветеринару — соединились, чтобы спасти меня от безрадостного будущего. С тех пор как умерла Молли, я мечтала о щенке, которого могла бы вырастить сама и таким образом отдать дань своей первой наставнице, которая вырастила меня. Но как частый посетитель сайтов спасения бордер-колли я знала, что из приюта можно взять только взрослую собаку. Каковы были шансы, что щенок из знаменитого питомника Дэйва достанется нам? И время, которое поначалу казалось нам неподходящим, подошло идеально: Тёрбер появился у нас именно в тот момент, когда впервые за 30 лет у меня не было ни срочных проектов, ни многомесячных экспедиций. Большую часть лета и осени я смогла посвятить воспитанию щенка. У меня была возможность подарить этому малышу заботу и чувство уверенности

и безопасности, которых так не хватало Тэсс и Салли до того, как они вошли в нашу жизнь.

Тёрбер был не тем, кого мы ждали. Он даже не был тем, кого мы хотели. Мы думали, что возьмем собаку только через несколько месяцев или даже лет. Мы представляли себе миниатюрную черно-белую суку из приюта с мягкой длинной шерстью, а получили трехцветного короткошерстного кобеля, который уже сейчас (а ему на момент написания этой книги еще не исполнилось двух лет) — самая крупная собака, какая у нас когда-либо была. Кроме того, что он бордер-колли, он мало похож на Тэсс и Салли. Ни Салли, ни Тэсс не испытывали особого энтузиазма при встрече с новыми собаками — Тёрбер с радостью приветствует всех. Он умеет делать то, чего не делали ни Салли, ни Тэсс: каждое утро он будит нас, тормоша лапой, словно человек. (Мы заметили, что его мать, к которой мы несколько раз приезжали вместе с Тёрбером, точно так же трогает людей лапой.) В отличие от Тэсс и Салли, он не любит сидеть в наших кабинетах, но у него есть два других любимых места: кресло-качалка между моим кабинетом и кухней и площадка на середине лестницы, ведущей в кабинет Говарда, — он лежит там, просунув морду между стойками перил и свесив вниз передние лапы.

Однако самое главное отличие состоит в том, что Тёрбер счастлив независимо от того, где он и с кем он. Мы не любим покидать его, но, если нам нужно уехать на неделю или на выходные и мы не можем взять его с собой, как тогда, когда мы отправились в Аризону на свадьбу Кейт Кэбот — одной из двух девочек, живших раньше по соседству, Тёрбер может с радостью остаться с кем угодно из наших друзей. Совсем не так было с Тэсс (если

мы уезжали, то она соглашалась пожить только у Эвелин) и с Салли (которую мы просто не могли оставить больше чем на несколько часов). Хотя обе они были счастливыми собаками, но в разлуке с хозяевами слишком страдали: давало о себе знать то, что они не получили должной заботы и любви в щенячьем возрасте и в молодости.

Тёрбер снова и снова дарит нам счастье. Он не только исцелил нашу печаль — он дал нам возможность сделать для него то, что мы не могли сделать для наших прежних собак.

«Когда ученик будет готов, учитель появится», — гласит пословица. На этот раз ученик не был готов. Но учитель все равно пришел. Мне было 58 лет, когда в моей жизни появился Тёрбер, и очень скоро я поняла, что мне предстоит усвоить еще много уроков на пути к тому, чтобы стать лучше. Среди всех уроков, которые преподал мне Тёрбер, есть такой: даже когда жизнь кажется безнадежной, ты никогда не знаешь, что может произойти дальше. Может быть, что-то замечательное ждет тебя прямо за углом.

Сай и Молли росли вместе

Встреча с дружелюбным кошачьим медведем в зоопарке
Роджера Уильямса в Род-Айленде

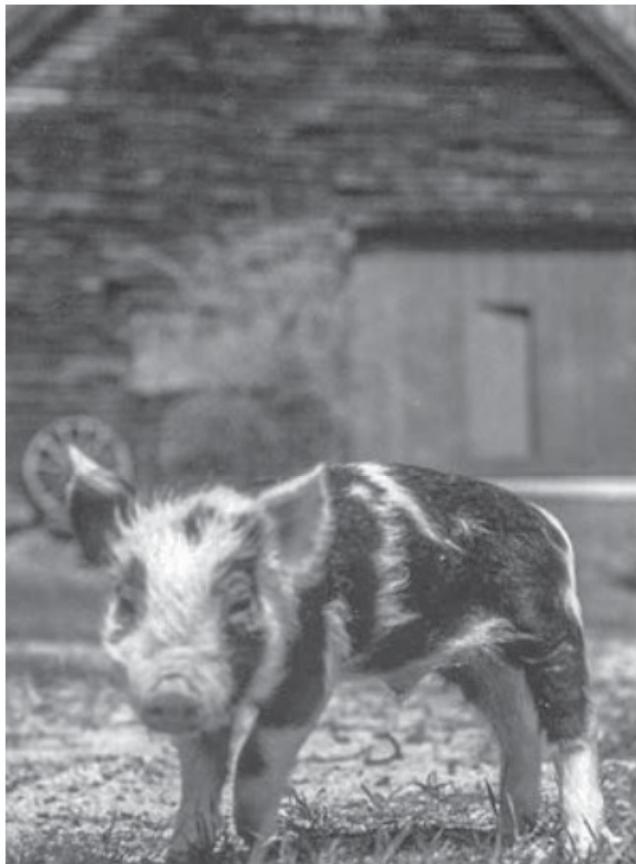
Неотразимая улыбка Салли

Сай гладит свою подругу Октавию

Сай наслаждается обществом 18 000 змей в змеиных логовах в Нарциссе, в канадской провинции Манитоба

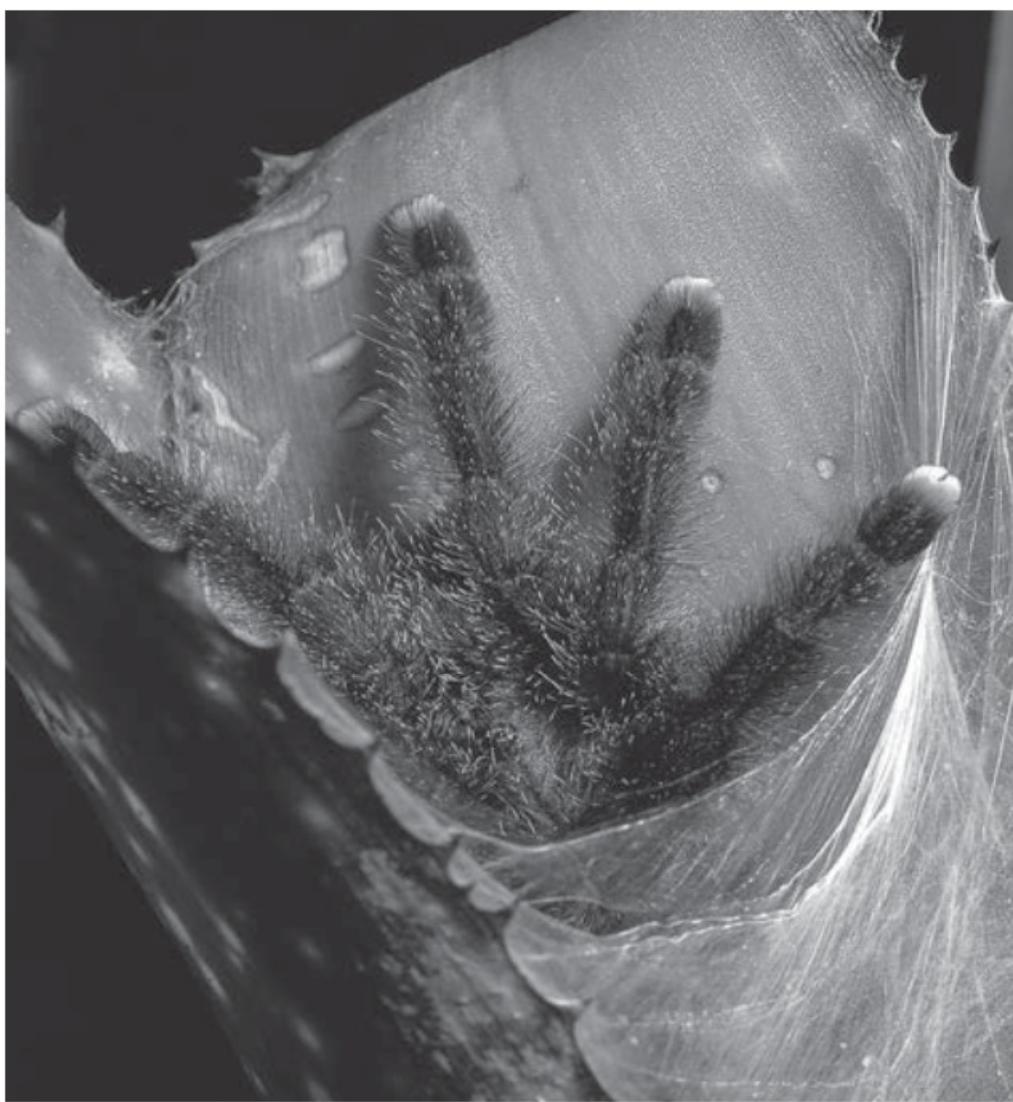
В раннем детстве Кристофер Хогвуд был так мал, что помещался в обувную коробку... Но многое объедков и много любви сделали свое дело, и он стал весить 340 кг

Слева направо: Мэй, Перл и Салли в отпуске в штате Мэн
(хозяев они взяли с собой)

К 20 годам Сай перестала считать себя пони,
но по-прежнему радовалась каждой встречной лошади

Красавица Кларабель отдыхает в своем шелковом гнезде,
и только розовые кончики ее лап торчат наружу

В поисках осьминогов. Сай со своей подругой и инструктором
по дайвингу Дорис Мориссет близ острова Косумель, Мексика

Новый друг из Намибии — осиротевший детеныш гепарда,
который стал послом Фонда сохранения гепардов

Тёрбер на прогулке тащит свою добычу

После публикации книги «Душа осьминога» Аквариум Новой Англии назвал одного из своих осьминогов в честь Сай. На фото: две Сай. Их нежная дружба продолжалась до конца недолгой жизни осьминога.

Салли на лыжной прогулке

Сай с древесной кенгуру Холли
в зоопарке Роджера Уильямса

Тёрбер в щенячье возрасте
протягивает Сай лапу

Дом, милый дом: счастливая жизнь
в палатке в австралийском буше

Эму Голошней, Черная Голова
и Порченая Нога

Сай играет с детенышем бенгальского тигра

Эти медвежата позже будут выпущены в дикую природу и снимутся
в документальном фильме National Geographic, сделанном
по сценарию Сай и рассказывающем о работе ее друга — специалиста
по реабилитации диких животных Бена Килхэма

Эта славная корова жила на ферме в Питерборо, штат Нью-Гэмпшир

Несмотря на полученную
когда-то травму, Тэсс совершаєт
балетные прыжки, чтобы поймать
летеющий диск

Посещение друга-тарантула
в паучьей лаборатории
Сэма Маршалла в Огайо

На «свинячьем участке». Сай с ведром обедков;
Тэсс с фрисби; Кристофер Хогвуд с аппетитом

Для дополнительного чтения

Вот десять книг, которые вдохновили меня на то, чтобы изучать жизнь животных и писать о природе.

«Не кричи “Волки!”»* Фарли Моуэта. В детстве одной из моих любимых книг была повесть этого автора «Собака, которая не хотела быть просто собакой»**, в которой рассказывается о его совместных приключениях с псом по кличке Матт. Позже я прочитала самую известную книгу Моуэта, написанную для взрослых, и она произвела на меня глубокое впечатление. Это книга об ученом, который, исследуя животных, проникается к ним горячим чувством и становится их защитником. «Не кричи “Волки!”» была написана как документальное повествование, но позже ее стали критиковать за присутствие вымысла. Однако, даже если в чем-то Фарли отошел от фактов, все, что он написал, — правда по самой своей

* Моуэт Ф. Не кричи «Волки!». — М.: Белая ворона, 2019.

** Моуэт Ф. Собака, которая не хотела быть просто собакой. — М.: Детская литература, 1981.

суги. «Никогда не позволяйте фактам встать на пути истины», — сказал он мне, когда я была у него в гостях. И хотя в своих книгах я всегда придерживаюсь фактов, Фарли научил меня тому, что книга должна вызывать эмоциональный отклик и побуждать других действовать.

«Моя жизнь среди шимпанзе»* Джейн Гудолл. Еще не умея читать, я разглядывала фотографии Джейн с шимпанзе, сделанные в национальном парке Гомбе-Стрим и публиковавшиеся в журнале *National Geographic* в 1960-х годах. А когда я, наконец, прочитала историю ее жизни, которая была опубликована в 1988 году, поняла: это стоило того, чтобы ждать.

«Гориллы в тумане» Дайан Фосси.** Величественные гориллы, живущие в туманном высокогорном лесу, нравились мне даже больше, чем очаровательные шимпанзе Джейн. Я прочитала мемуары Дайан еще в первом издании, где на обложке — моей самой любимой из всех — крупным планом был дан портрет самца по имени Дядя Берт. Его черное лицо было добрым и задумчивым, на мехе сверкали дождевые капли. На задней обложке было фото Дяди Берта со спины. Особенно впечатлял огромный купол его черепа и мощь его плеч и корпуса.

«Про волков и людей» (Of Wolves and Men) Барри Лопеса. Один из моих лучших друзей, который потом стал ветеринаром, оставил эту книгу у меня на крыльце как подарок, когда я собиралась уезжать в австралийский буш. Это

* Гудолл Д. Моя жизнь среди шимпанзе. — М.: Крипто-логос, 2003.

** Фосси Д. Гориллы в тумане. — М.: Армада, 1997.

классическое подробное исследование посвящено жизни волков и тому, как они воспринимались разными человеческими культурами на протяжении веков. На примере этой книги я узнала, как важно для понимания животных рассматривать историю их взаимоотношений с людьми.

«Кольцо царя Соломона»* Конрада Лоренца. Признанная классика, книга о поведении животных от основоположника изучающей это поведение науки — этологии. Наблюдения Лоренца за серыми гусями, галками и даже цихлидами не только ценные с точки зрения науки, но и исполнены уважения и теплого чувства к каждому отдельному животному.

«Домик на краю земли» Генри Бестона.** Цитата из этой книги помогла мне понять, ради чего я хочу писать о мире животных:

По-видимому, нам нужно овладеть иным, более мудрым, может быть даже мистическим, пониманием животного мира. ... О животных нельзя судить по людским меркам. В мире более древнем и совершенном, чем наш мир, они существуют как вполне совершенные и законченные создания, одаренные диапазоном ощущений, давно утерянных человеком, либо чувствами, ему недоступными: они живут в мире слов, которых мы никогда не услышим. Животные не являются ни нашими братьями, ни подчиненными, это другие народы, подобно

* Лоренц К. Кольцо царя Соломона. — М.: Римис, 2011.

** Бестон Г. Домик на краю земли. — М.: Мысль, 1982.

нам пойманные в сети жизни и времени, товарищи
в свершении земных трудов*.

«Жизнь клетки» (The Lives of a Cell) Льюиса Томаса. Блестя-
щая работа ученого, не устающего восхищаться наукой,
которую он изучает, — биологией. Чтобы передать свое
отношение к ней, Томас, специалист по иммунной системе
человека, прибегает к яркому, лирическому языку. Тема
всех 29 эссе в этом сборнике — связь между каждым от-
дельным человеком и жизнью в целом.

«Край моря» (The Edge of the Sea) Рейчел Карсон. Книга,
которая познакомила меня с автором, стоявшим у исто-
ков современного экологического движения. Я купила
ее на библиотечной распродаже в тот год, когда начала
работать в газете. Я еще не была экологическим репор-
тером, но мне хотелось больше знать о морских водорос-
лях и улитках. Став поклонницей внимательного взгляда
и лирического голоса Карсон, впоследствии я покупала
все ее книги, включая «Безмолвную весну»** — разобла-
чительное исследование, посвященное загрязнению окру-
жающей среды химикатами.

«Лилли о дельфинах» (Lilly on Dolphins) Джона Лилли. Ав-
тор был одним из первых ученых, попытавшихся узнать,
как общаются между собой представители других видов.
Сегодня его книга была бы раскритикована как слишком
восторженная, чтобы считаться научной; к тому же автор
стал известен как сторонник психоделиков — увлечение,

* Цит. по пер. В. Н. Кондракова.

** Карсон Р. Безмолвная весна. — М.: Прогресс, 1965.

которое я не разделяю. Но когда сразу после колледжа я прочитала эту книгу, она глубоко тронула меня. Некоторые из идей Лилли впоследствии были опровергнуты, но с помощью оборудования, которым он в свое время не располагал, удалось подтвердить, что дельфины действительно обладают сложным языком, и более того — все члены стаи имеют личные имена, известные как «свистки-подписи».

«Жизнь на малоизвестной планете» (Life on a Little-Known Planet) Говарда Эванса. Автор, ученый-энтомолог из Гарварда, посвятил эту захватывающую книгу о жизни насекомых книгоедам и чешуйницам, которые населяли его рабочий кабинет. С момента ее публикации в 1968 году в энтомологии было сделано много новых открытий. Но, когда я перечитываю эту книгу сегодня, она кажется мне не столько устаревшей, сколько, напротив, пророческой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Идея этой книги зародилась в нашей гостиной в Хэнкоке, штат Нью-Гэмпшир, когда я сидела на диване, беседуя с подругой.

Я давно не видела Вики Крок и соскучилась по ней, поэтому очень обрадовалась, когда однажды зимой она, занятой человек, автор книг-бестселлеров и ведущая новостной программы о животных на Национальном общественном радио Бостона, приехала ко мне из города вместе со своим продюсером и подругой Кристен Гоген.

Мы гуляли по лесу с нашей бордер-колли Салли. Разглядывали на снегу следы белок, оленей и диких индеек. Гладили и целовали в гребешки моих кур. И хотя Вики приехала, чтобы сделать со мной интервью, когда мы наконец устроились в гостиной и приступили к нему, оно уже казалось чем-то совсем не главным.

Мы говорили о тиграх, тарантулах, тапирах и прочих животных, которых мне посчастливилось изучать. Интервью уже близилось к концу, когда Вики спросила меня:

— За годы общения с животными узнала ли ты благодаря им что-то новое о жизни? Что они дали тебе?

Что мне дали животные? Никогда раньше меня об этом не спрашивали. Тем не менее я ответила Вики не задумываясь:

— Они сделали меня лучше.

Это интервью было размещено в интернете и однажды, несколько месяцев спустя, попалось на глаза Мэри Уиллокс, вице-президенту издательства, с которым я часто сотрудничаю. Она отправила его редактору Кейт О'Салливан, и мой последний ответ впечатлил ее. Кейт сказала мне:

— Вот об этом должна быть твоя следующая книга.

Именно ее вы и держите в руках.

Она посвящена животным, которые научили меня быть лучше, но я также в большом долгу перед многими людьми. Кроме Вики, Кейт и Мэри я хотела бы поблагодарить еще некоторых из них.

И в первую очередь, маму и папу. Между нами было много разногласий, но я всегда любила их. И знаю, что они тоже любили меня как умели. Я не променяла бы их ни на кого другого. К тому же без них я сама была бы другой, вероятно куда менее решительной.

Я благодарна людям, которые проживали все то, что описано в этой книге, вместе со мной. Многие из них упоминаются на ее страницах, но некоторые — нет. Это Перл Юсуф, Энн Волицки, Кэролин Бейро, Селинда Чикойн, Гэри Гэлбрейт и Джоэл Глик. Особая благодарность Гретхен Фогель и Пэт Уинкс за то, что помогли мне так много вспомнить о Молли. Я также благодарна всем тем, кто любезно читал и комментировал мою рукопись, что оказалось очень полезно. Это Джерри и Колетт Прайс, Джудит Окснер и Роб Матц. Спасибо! Мои благодарности еще одному человеку, который, увы, не смог прочитать

эту книгу. Но именно Анну Магилл-Дохан я представляла своим идеальным читателем. Ее интеллект, любознательность и искрометный юмор во многом определили мой взгляд на мир.

Я также признательна своему замечательному литературному агенту Саре Джейн Фрейманн за помощь, Ребекке Грин — за восхитительные иллюстрации, а Кэрролин Ллевеллин — за прекрасный дизайн книги.

Никто в мире людей не значит для меня так много, как Говард Мэнсфилд, мой муж. Он лучший писатель среди всех, кого я знаю, а писателю необходимы спокойствие и размеренный образ жизни. Тем не менее он терпеливо заботился обо всех наших животных иправлялся со сложными ситуациями, если они возникали, во время моих длительных экспедиций. Благодаря Говарду в нашем доме появились Кристофер и Тэсс. И хотя иногда мне приходилось его уговаривать, я бесконечно благодарна ему за то, что он позволил Салли, Тёрбери и другим животным, ставшим нашей семьей, войти в нашу жизнь.

Наконец, я хочу поблагодарить еще нескольких животных: моего первого попугая Джерри; хорьков Сасквоча, Скутера, Васко да Гаму, Сознательный Возраст и, конечно же, ее дочь Просветленность, Мистера Робертса и Небраску; нашего кота Майке и попугая кареллу Кокопелли. Пусть они не появляются на страницах этой книги, но эти животные обогатили мою жизнь, и их любовь живет на каждой написанной мною странице.

Монтгомери Сай

**ТЕ,
КТО ДЕЛАЕТ
НАС ЛУЧШЕ**

**13 животных,
которые помогли
мне понять жизнь**

Руководитель проекта *A. Тарасова*

Корректоры *M. Миловидова O. Сметанникова*

Компьютерная верстка *M. Поташкин*

Подписано в печать 27.09.2019. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 12 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина нон-фикшн»

123007, г. Москва,

ул. 4-я Магистральная, д. 5, строение 1, офис 13

Тел. +7(495) 980-5354

www.nonfiction.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Душа осьминога Тайны сознания удивительного существа

Сай Монтгомери, пер. с англ., 2018, 317 с.

Никогда еще научно-популярная книга не была такой восхитительно галлюцинаторной! Бескостные и прекрасные, ее персонажи обладают не только большой душой, но и тремя сердцами. Они умны, обаятельны и ласковы... и одинаково хорошо владеют всеми своими восемью руками. Если мать-природа существует, то ее зовут Сай Монтгомери.

Вики Константин Крок,
научный журналист, писатель

О чем книга

Если раньше вы думали, что осьминог — это устрашающего вида монстр, встреча с которым не сулит ничего хорошего, то вы заблуждались. Осьминоги могут быть опасны — и гигантские 19-метровые особи, и 20-сантиметровые «малыши» (один такой любознательный осьминог умудрился размонтировать свой резервуар с водой и устроить в помещении океанариума потоп ценой в несколько тысяч долларов), но даже к ним можно найти подход. Особенно если вы, как писатель Сай Монтгомери, души в них не чаете и готовы на трехстах с лишним страницах восхищаться этими удивительными животными.

Почему книга достойна прочтения

Опираясь на научные сведения, автор рассказывает об уникальной способности осьминогов к решению задач. Она исследует эмоциональный и физический мир этих животных, удивительные отношения, складывающиеся между ними и людьми, а также знакомит нас с сообществом увлеченных специалистов и энтузиастов, сложившимся вокруг этих сложных, умных и общительных существ.

Временами веселая и смешная, временами глубокая и трогательная, книга «Душа осьминога» рассказывает нам об удивительном контакте двух очень разных видов разума — человека и осьминога.

Кто автор

Сай Монтгомери — широко признанный автор двадцати научно-популярных книг для взрослых и детей. Она является лауреатом многих наград и премий, в том числе за достижения в течение жизни от Общества защиты животных США и Ассоциации книготорговцев Новой Англии, а также обладателем трех почетных ученых степеней.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Что значит быть собакой И другие открытия в области нейробиологии животных

Грегори Бернс, пер. с англ., 2019, 324 с.

Революционное исследование, доказывающее, что собаки испытывают те же эмоции, что и человек. Научить собак выдерживать процедуру магнитно-резонансного сканирования — гениальный способ выяснить, как работает их мозг. Книгу обязательно стоит читать и любителям собак, и нейробиологам.

Тэмпл Грандин, автор книг «Животные в переводе»
(Animals in Translation) и «Животные делают нас людьми»
(Animals Make Us Human)

О чем книга

Каково это — быть собакой? Летучей мышью? Дельфином? Можем ли мы, люди, это понять? Теперь да — благодаря научной работе нейробиолога и автора популярных книг Грегори Бернса. Вместе со своими коллегами он приучил собак к томографу, чтобы получить возможность наблюдать за процессами, происходящими в мозге животного, и проанализировать его мысли и ощущения. Но собаки — это только начало. Грегори Бернс знакомит нас с новостями из области нейробиологии диких животных: морские львы способны улавливать танцевальный ритм, дельфины видят с помощью звука, и даже о вымершем почти сто лет назад сумчатом волке можно многое узнать благодаря нейровизуализации. Описанные Бернсом революционные научные открытия убедительно доказывают, что животные испытывают, по сути, те же чувства, что и мы, — а значит, человеку пора пересмотреть свое отношение к ним.

Почему книга достойна прочтения

Грегори Бернс мастерски вплетает рассказы о собаках и их хозяевах в описание научных экспериментов, показывающих, насколько сложные процессы скрываются за самым обычным поведением наших питомцев. Это занимательная, познавательная и очень интересная книга.

Кто автор

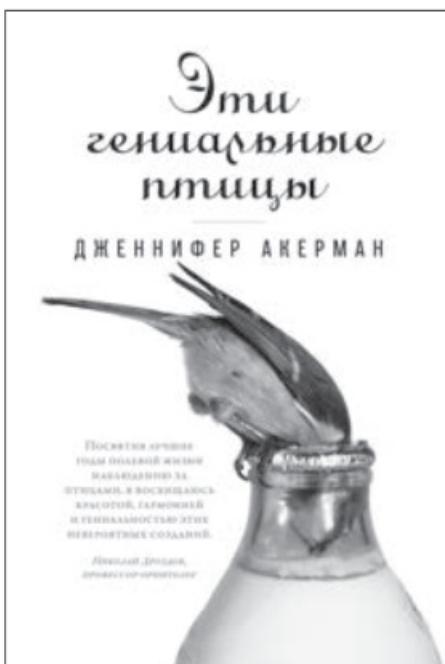
Грегори Бернс, врач, доктор наук, преподаватель психологии в Университете Эмори, руководитель университетского Центра нейрополитики и Учебно-исследовательского нейробиологического центра. Автор нескольких книг, в том числе бестселлера по версии *The New York Times* «Как собаки любят нас» (How Dogs Love Us). Проживает в Атланте с женой — и зашкаливающим количеством собак.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Эти гениальные птицы

Дженнифер Акерман, пер. с англ., 2018, 486 с.

Посвятив лучшие годы полевой жизни наблюдению за птицами, я восхищаюсь красотой, гармонией и гениальностью этих невероятных созданий.

Николай Дроздов, профессор-орнитолог

О чем книга

На протяжении веков люди умаляли таланты своих пернатых собратьев, считая их «безмозглыми», движимыми только инстинктами и способными лишь на простейшие ментальные процессы. Сегодня наука показала: это не так.

Птицы принимают сложные навигационные решения, поют на региональных диалектах и используют орудия труда. Они обманывают и манипулируют. Подслушивают. Целуются, чтобы утешить друга. Дарят подарки. Учат и учатся. Собираются у тела умершего собрата. И даже скорбят... И делают все это, имея крошечный мозг размером с грецкий орех!

В книге «Эти гениальные птицы» автор исследует недавно открытые таланты пернатых. Путешествуя по научным лабораториям всего мира, она рассказывает об интеллектуальном поведении птиц, которое мы можем наблюдать во дворе своего дома, у птичьих кормушек, в парках, на городских улицах, в дикой природе — стоит нам лишь повнимательнее присмотреться. Дженифер Акерман раскрывает то, что птичий интеллект может рассказать о нашем собственном интеллекте, а также о нашем меняющемся мире.

Прославляя столь удивительных и необычайно умных созданий, эта чрезвычайно информативная и прекрасно написанная книга предлагает по-новому взглянуть на наших пернатых соседей по планете.

Почему книга достойна прочтения

Птицы — удивительно умные создания. Согласно новейшим исследованиям, интеллект некоторых из них позволяет им соперничать с приматами и даже людьми. В книге Дженифер Акерман исследует недавно открытые таланты пернатых и их эволюцию.

Знакомя нас с передовыми рубежами мировой науки, Акерман не только рассказывает о гениальных способностях птиц, но и анализирует последние открытия о мозге пернатых, которые меняют наше представление о том, что значит быть «умным». Одновременно личная и научная, в высшей степени информативная и прекрасно написанная, книга «Эти гениальные птицы» прославляет удивительных и необычайно умных существ.

Кто автор

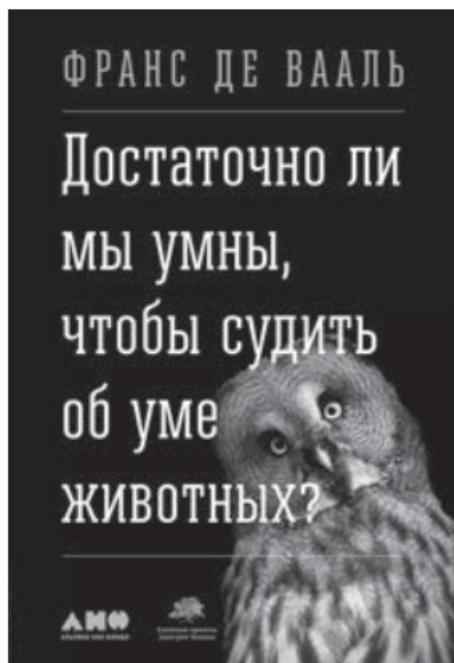
Дженифер Акерман, известный популяризатор науки, уже почти три десятилетия пишет о науке, природе и человеческой биологии для таких известных изданий, как *Scientific American*, *National Geographic*, *The New York Times* и многих других.

Покупая бумажные книги на сайте [alpina.ru](#), вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на [alpina.ru/free](#). О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

[nonfiction.ru](#). +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?

Франс де Вааль, пер. с англ., 2017, 404 с.

О чем книга

Какие способы коммуникации практикуют животные и есть ли у них подобие речи? Могут ли животные узнавать себя в зеркале? Свойственны ли животным дружба и душевная привязанность? Ведут ли они войны и мирные переговоры? Книга известного приматолога Франса де Ваала отвечает на эти вопросы в контексте эволюции познания — нового научного направления,

получившего мощное развитие в последнее десятилетие.

Автор рассказывает об истории этой науки, о жестоких спорах с бихевиористами, а главное — об огромной экспериментальной работе и наблюдениях за естественным поведением животных. Анализируя пути становления мыслительных процессов в ходе эволюционной истории различных видов, ученый убедительно показывает, что человек в этом ряду лишь одно из многих мыслящих существ.

Почему книга достойна прочтения

Революционные исследования Франса де Ваала ставят перед учеными, философами, теологами задачу переосмыслить место человека в природе, они показывают, что наш вид не единственный обладает такими свойствами, как стратегическое «политическое» поведение, эмпатия, чувство справедливости, высокий интеллект. Здесь он рассматривает не только приматов, но гораздо более широкий круг видов, демонстрируя свою уникальную способность доносить новейшие открытия до думающих читателей в искрометной и провокативной манере.

Роберт Сапольски,
профессор биологии Стэнфордского университета,
автор книги «Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки»

Кто автор

Франс де Вааль — голландско-американский этолог и приматолог, профессор кафедры психологии Университета Эмори, директор исследовательского центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов Йеркса в Атланте и почетный профессор Уtrechtского университета. Книги де Ваала, переведенные более чем на 20 языков, сделали его одним из самых известных биологов в мире.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Истоки морали В поисках человеческого у приматов

Франс де Вааль, пер. с англ., 2018, 442 с.

Серия Alpina Popular Science

Возможно, это только мое мнение, но мне лично человек, которому мешает бесчинствовать только вера, поневоле внушает опасения. Почему бы не предположить, что человеческие качества, включая и самоконтроль, необходимый для жизни в обществе, присущи нам изначально, «встроены» в нас? Неужели кто-то всерьез верит, что наши предки до возникновения религии не придерживались никаких социальных норм? Что они никогда не помогали собратьям в беде и не сетовали на недобросовестность других людей? Несомненно, человек заботился о жизнеспособности своей общины задолго до появления современных религий, зародившихся всего лишь пару тысячелетий назад.

Франс де Вааль

О чем книга

На протяжении многих лет всемирно известный биолог Франс де Вааль изучал жизнь шимпанзе и обезьян бонобо. В процессе исследований он выявил явные зачатки этического поведения в сообществе приматов. По мнению автора, мораль — не сугубо человеческое свойство, и ее истоки нужно искать у животных. Эмпатия, доброта и сотрудничество присущи и обезьянам, и собакам, и слонам, и даже рептилиям.

Почему книга достойна прочтения

Помимо увлекательного рассказа об этических формах поведения в мире приматов автор поднимает глубокие философские вопросы, связанные с наукой и религией. Как и когда возникла мораль? Какое влияние оказала религия на формирование этики? Что происходит с обществом, где роль религии снижается, и прав ли герой Достоевского Иван Карамазов, говоря: «Если Бога нет, я имею право грабить ближнего своего»?

Кто автор

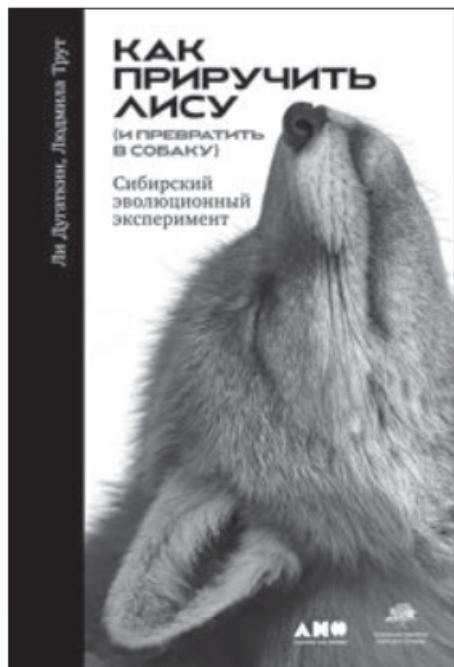
Франс де Вааль — американский биолог нидерландского происхождения, включенный журналом *Time* в список 100 самых влиятельных людей мира. В его исследованиях впервые жизнь приматов рассматривается в социальном контексте. Акцент делается на такие стороны поведения животных, как альтруизм, эмпатия, сотрудничество. Автор множества научных трудов и книг, профессор Университета Эмори и директор исследовательского центра «Живые звенья» в Национальном центре изучения приматов Йеркса. Де Вааль живет в Атланте (штат Джорджия, США).

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22

Издательство «Альпина нон-фикшн» рекомендует

Как приручить лису (и превратить в собаку) Сибирский эволюционный эксперимент

Ли Дугаткин, Людмила Трут, пер. с англ., 2019, 304 с.

Это не только рассказ о науке. Книга напоминает одновременно и русскую волшебную сказку, и шпионский триллер... Блестяще.

The New York Times Book Review

О чем книга

Где-то далеко в Сибири живут мохнатые четвероногие создания, вислоухие и приветливо виляющие хвостами. Они не менее дружелюбны и послушны человеку, чем любая комнатная собачка. Но это не собаки, а лисы. Они появились в результате самого удивительного в истории эксперимента по селекции, словно спрессовавшего время, когда эволюционный путь, занявший в природе тысячи веков, был пройден за какие-нибудь шестьдесят лет.

В 1959 г. биологи из Академгородка Дмитрий Беляев и Людмила Трут начали работать с несколькими десятками лисиц, содержавшихся на сибирских зверофермах. Лисы относятся к семейству псовых, и ученые хотели воспроизвести в реальном времени ход эволюции от волка к собаке, увидеть, как протекает процесс одомашнивания.

Почему книга достойна прочтения

- «Как приручить лису» — удивительный рассказ об истории эксперимента по доместикации лисиц, о повседневной работе ученых и узах, которые вот уже много тысячелетий связывают нас и домашних животных.
- Предисловие к книге написал Александр Марков, доктор биологических наук, зав. кафедрой биологической эволюции биологического факультета МГУ.

Кто авторы

Ли Дугаткин — эволюционный биолог и историк науки, работает на биологическом факультете Луисвилского университета (США).

Людмила Трут — эволюционный генетик, профессор, главный научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск). Начиная с 1959 г. проводит эксперимент по доместикации лис.

Покупая бумажные книги на сайте alpina.ru, вы бесплатно получаете их электронные версии.

Подробнее на alpina.ru/free. О книгах издательства «Альпина нон-фикшн» читайте на сайте

nonfiction.ru. +7 (495) 120-07-04, +7 (800) 550-53-22